

В. В. ЗНАКОВ

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКА

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Виктор Знаков

**Психология понимания
мира человека**

«Когито-Центр»

2016

УДК 159.9
ББК 88

Знаков В. В.

Психология понимания мира человека / В. В. Знаков — «Когито-Центр», 2016

ISBN 978-5-9270-0324-8

В монографии представлена авторская точка зрения на роль и место понимания в многомерном мире человека. Обсуждены методологические, теоретические и эмпирические проблемы исследований в области психологии понимания и психологии человеческого бытия. Проанализированы несколько направлений психологического исследования феномена понимания. Обосновано, что аналитическое расчленение мира человека на эмпирическую, социокультурную и экзистенциальную реальности дает возможность психологам изучать не только общее, но и особенное в понимании трех этих реальностей. Феномен понимания неоднороден, его психологические механизмы в разных плоскостях человеческого бытия отличаются друг от друга. Представленная в книге логика психологического анализа дает возможность рассмотреть основания понимания в целостном континууме «знания – опыт». Такой ракурс рассмотрения обсуждаемых областей научного знания открывает перед учеными возможность постановки и изучения новых для психологической науки проблем – постижения, непостижимого, тайны и др. Итогом монографии стала целостная модель теоретических оснований психологии понимания субъектом многомерного мира человека.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0324-8

© Знаков В. В., 2016

© Когито-Центр, 2016

Содержание

Введение	7
Глава I. Мир человека и человеческое бытие	10
1.1. Бытие и мир	10
1.2. Определение «понимания мира человека»	15
1.3. Три реальности мира человека	17
1.4. Научные традиции исследования и понимания мира человека	33
1.5. Субъектно-аналитический подход к психологическому исследованию понимания мира	43
Глава II. Психология человеческого бытия	54
2.1. Теоретические основания психологии человеческого бытия	54
2.1.1. Психология субъекта – новая методология понимания человеческого бытия	54
2.1.2. Конституирование человеком способа быть субъектом: забота о себе	66
2.1.3. Психология человеческого бытия: теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований	70
2.1.4. Понимающее себя бытие	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

В. Знаков
Психология понимания мира человека

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

* * *

Введение

Современное социогуманитарное познание характеризуется отчетливо просматриваемым изменением его методологических оснований. Главный признак изменения состоит в том, что наряду со «знанием» и «языком» в фокусе внимания исследователей все чаще оказывается «опыт». Взаимодействие в психике познающего субъекта вербализованного достоверного знания и обычно не осознаваемого опыта особенно очевидно при научном анализе фундаментальных проблем бытия человека в мире. Именно к ним относятся вопросы о том, из каких реальностей состоит «мир человека» (С. Л. Рубинштейн) и как люди понимают относящиеся к ним явления, факты, события, ситуации. Название монографии указывает на то, что оба вопроса в ней объединены. В книге представлены результаты проводившихся в течение последних пятнадцати лет теоретических и эмпирических исследований в двух смежных областях психологической науки – психологии человеческого бытия и психологии понимания.

Опираясь на идеи С. Л. Рубинштейна, современные психологи понимают «мир человека» как соотнесенную с людьми совокупность вещей и явлений, представляющую собой организованную иерархию различных способов человеческого существования. В мире человека предыдущие, «дочеловеческие», уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и в социальный мир. Люди и преобразуют бытие, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений, и осознают его. Мир – это бытие, изменяемое действиями, человеческой активностью. Активность проявляется в сознании, деятельности, мыслях, поступках, созерцании, постижении. Это – не только средства преобразования бытия, но и выражение подлинно человеческих способов существования. Для психологии одним из главных способов является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его. Человеческое бытие является неотъемлемой частью мира человека, а психология человеческого бытия – логичным продолжением и развитием психологии субъекта. В монографии изложены теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований в области психологии человеческого бытия, дающие возможность ученым считать ее целостной областью психологического познания.

В книге человеческое бытие анализируется как нетождественное индивидуальному жизненному пути, единичное, потенциально воплощающее в себе общечеловеческое. С этой точки зрения допустимо и обоснованно утверждение о том, что субъектом в самом обобщенном, но вместе с тем и точном смысле этого слова является все человечество (Брушлинский, 2003).

Еще один принципиально значимый фокус изучения человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Задача такого изучения состоит в устремленности к поиску конкретных психологических закономерностей трансформации, изменения человеческого бытия под влиянием ценностей. Подобная трансформация происходит вследствие присущей человеку склонности обращать свой мысленный взор к основаниям своего бытия. Рефлексивная направленность неизбежно порождает стремление к оценке, ценностному взгляду на бытие.

Наконец отличительный признак психологического анализа бытия заключается в акценте на многомерности мира, в наличии разных уровней действительности, соотнесенных со способами существования людей. В этом контексте важным и перспективным направлением психологических исследований является постановка и решение вопроса о множественности или единичности жизненного мира субъекта. Этот вопрос целесообразно сформулировать таким образом: мир человека один или их множество, и его жизнь может быть описана как движение по многим мирам, в каждом из которых он выступает как особый субъект? (Кимберг, 2009).

Такая постановка вопроса сегодня актуальна не только для психологии, но и для квантовой физики (Менский, 2011) и других наук.

В психологии многомерность мира проявляется в исследованиях сознания, при выявлении методологических оснований нашей науки и, конечно же, в психологии понимания. В монографии структура многомерного мира человека описывается под углом зрения понимания субъектом отличительных признаков реальностей, в которых живет человек. Описание завершается построением психологической модели понимания мира человека. В модели с тремя типами реальности – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной – соотносятся традиции психологических исследований, основания понимания, а также его способы, формы и типы.

В рамках целостного модельного представления психологии понимания мира человека стало возможным сформулировать и исследовать проблему экзистенциального опыта и его роли в понимании экзистенциальной реальности. В книге проанализирована его трехкомпонентная структура, метасистемная организация и такие составляющие экзистенциального опыта, как переживание, когнитивное и аффективное бессознательное, свое и чужое в опыте понимающего субъекта.

Таким образом, обобщенные научные представления о понимании субъектом мира описаны в модели. Необходимо подчеркнуть, что модель понимания является принципиально новой, ее аналогов нет ни в психологической, ни в других науках. Вместе с тем вопрос о правомерности отраженного в ней дизъюнктивного разделения мира человека на три реальности у многих исследователей вызывает вполне обоснованные сомнения. Положительной стороной определения отличительных признаков реальностей является его классификационная ясность и абстрактно-аналитическая научная полезность. Однако необходим еще и развернутый психологический анализ субъектных оснований того, почему люди, исходя из своих знаний, индивидуальных точек зрения, личностных качеств, бессознательных установок и т. п., понимают реальности именно как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. В этой связи в монографии излагаются основные положения нового субъектно-аналитического подхода к психологическому исследованию понимания мира.

Таков краткий перечень проблем, обсуждаемых в книге. Она является итогом 30-летних исследований в области психологии понимания (первая статья в журнале «Вопросы психологии» была опубликована в 1984 г., последняя – в 2014 г.) и 15-летних работ в области психологии человеческого бытия (первая статья вышла в «Психологическом журнале» в 2000 г., последняя – в 2013 г.). Разумеется, итог предварительный: надеюсь, что описанная психологическая модель понимания мира человека будет расширена и дополнена результатами будущих исследований. Структура монографии такова, что читатели, интересующиеся главным образом проблемами методологии современного социогуманитарного познания и психологии человеческого бытия, могут ограничиться прочтением первых двух глав. А тем, кого интересует преимущественно психология понимания, целесообразно сфокусировать внимание на двух заключительных разделах.

И последнее. Я сразу хочу развеять иллюзии читателя, который надеется получить практические советы о том, как нужно понимать конкретные ситуации человеческого бытия для того, чтобы вести себя в мире человека оптимальным образом. Мой интерес к поставленным в книге вопросам чисто академический и потому мне близка точка зрения А. Шюца: «Научное теоретизирование... не служит никакой практической цели. Его предназначение состоит не в том, чтобы подчинять себе мир, а в том, чтобы наблюдать и, по возможности, понимать его» (Шюц, 2003, с. 27). Впрочем, есть вероятность, что наиболее проницательные читатели смогут сделать практические выводы из написанного. Такое умозаключение является отчасти обоснованным уже сегодня: в докторской диссертации Т. В. Борзовой основные идеи этой книги воплощены в практику обучения пониманию студентов вузов (Борзова, 2016).

В монографии представлены результаты исследований, некоторые из них были поддержаны грантами РГНФ (№ 10–06-00073 «Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов как проблема психологии человеческого бытия», № 13–06-00087 «Понимание, знание и опыт») и РФФИ (№ 11–06-00018 «Осознание и понимание россиянами террористической угрозы»).

Глава I. Мир человека и человеческое бытие

1.1. Бытие и мир

Сущность человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, – философскому контексту анализа этого понятия. Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем надлежит различать два главных периода – до и после возникновения человека и человечества. Такое различение принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотношении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней.

Дело в том, что с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как „мир“, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Следовательно, появление в процессе развития человека приводит к тому, что предыдущие уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и социальный мир. Введение Рубинштейном категории «мир» в психологический анализ соотношения бытия и сознания стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. В самом общем виде «мир» – это понятие, «обозначающее совокупное человеческое сообщество, существующее на нашей планете» (Мудрик, 2010, с. 69). «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понято только сквозь призму высшего продукта развития бытия – человеческого бытия. Мир – это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Вследствие человеческой активности мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных среди них является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновской категории мира как совокупности вещей и явлений, соотносенных с взаимодействующими людьми, как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, это сознание и самопонимание общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном

пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Человеческое бытие осуществляется в многомерном мире, в котором есть разные уровни действительности, соотнесенные со способами существования людей. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Например, он писал: «Соответственно со становлением человека как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все нижележащие уровни или слои. Тем самым встает вопрос о человеческих предметах как особых модусах бытия» (Рубинштейн, 1997, с. 21).

Сегодня человеческие способы существования, проявляющиеся в различных модусах, продуктивно исследуются в психологии человеческого бытия. Способ существования является атрибутом, т. е. неотъемлемым свойством человеческого бытия, а модус бытия – качество, которое характерно лишь для некоторых обстоятельств, в которых субъект сознательно делает свой жизненный выбор. В частности, в исследовании Г. Ю. Фоменко, изучавшей сотрудников силовых ведомств и спецподразделений, направляемых в командировки в районы служебно-боевого применения, а также больных с опасными для жизни соматическими заболеваниями, тщательно исследовано и убедительно обосновано существование двух модусов бытия – предельного и экстремального. Субъектам с предельным модусом бытия присуща ценностно-смысловая позиция, в основе которой находится система убеждений, определяющих значимость самореализации, отношение к экстремальным условиям как возможности саморазвития, стремление определить свое отношение к экзистенциальным вопросам бытия и смысла жизни. Для них характерна психологическая готовность к экстремальным нагрузкам, альтруистическая мотивация, мотивация самосохранения личностного уровня. Субъектов с экстремальным модусом отличает потребность в возвращении к нормальному существованию, убежденность в том, что экстремальное бытийное пространство накладывает ограничение на их эмоциональные, волевые, когнитивные компоненты поведения и самореализации личности. Таким людям присущи стремление избегать экстремальных нагрузок, эгоцентрическая мотивация, мотивация самосохранения индивидного уровня. Представители двух модусов бытия по-разному осмысливают жизнь, встраивают свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. У людей с предельным модусом экстремальные условия воспринимаются как рабочая, повседневная реальность. Переосмысление ее составляющих способствует углублению самопонимания и личностному развитию. Это результат соединения актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотнесения опыта с новой конкретикой пространственной и временной ситуации. Вторая группа воспринимает экстремальные условия как аномальные и испытывает состояние потери, утраты, отсутствия целостности в субъективной картине мира (Фоменко, 2006).

Итак, *первая* особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это такое единичное, в котором потенциально воплощено общечеловеческое. Человеческое бытие представляет собой совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов.

Вторая характеристика человеческого бытия следует из многомерности мира, наличия разных уровней действительности, соотнесенных со способами существования людей. Например, С. Л. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Наличие принципиально разных типов реальности и объективных ситуаций человеческого бытия порождает у ученых вопросы не только о неоднородности предметов психологических исследований, но и о «многоэтажности» (Кричевец, 2005) самой психологии.

В отечественной культуре бытие человека всегда описывалось в терминах не столько отражения приземленных обыденных обстоятельств жизни, сколько стремления к достижению

правды, попыток найти действительность более высокого порядка – высшую духовную правду. Например, Л. Н. Толстой в 1886 г. в черновике предисловия к сборнику «Цветник» писал о том, что нужно «не искать правды житейской, а правды духовной... В миру-то нет полной правды, и потому, чтобы выразить ее, надо описывать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» (Толстой, 1936, с. 307–308).

Третья характеристика человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Человеку, как существу рефлексивному, присуща не только обращенность к основаниям своего бытия, но и стремление к оценке, ценностному взгляду на них. Бытие трансформируется, активно изменяется под влиянием ценностей. Основой ценностных предпочтений субъекта обычно становятся не достоверные знания, а чувства и переживания. «Отношение к бытию всегда включает ценностное отношение и выражает субъективность. В отличие от знания, которое стремится к объективности и предельному соответствию внешней реальности, ценности есть отражение внутреннего мира субъекта, воплощение его переживания внешней реальности в составе внутреннего бытия. Ценности выступают синтетическим феноменом, включающим значимость, смысл и переживание. Компонентами ценности являются интенциональность (ориентированность и конструирование идеальных объектов), символ (бессознательно-архетипический элемент), понятие (рационально-логический элемент)» (Баева, 2003, с. 17).

Наиболее значимой для психологического исследования человеческого бытия как экзистенциального феномена является проблема смысла жизни. С точки зрения Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других. Эта составляющая внутреннего мира отражена в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия.

Интересное теоретико-эмпирическое исследование взаимосвязи гендерной идентичности испытуемых и понимания ими смысла жизни и смерти было проведено Л. Н. Ожиговой. С позиций субъектно-бытийного подхода она рассматривает проблему субъектности. Субъектность понимается как творческая способность человека преобразования среды, как свобода создавать бытие, отражающее собственные смыслы и ценности жизни. При этом свобода определяется как аспект субъектности, как смысл и ценность жизни личности. В эмпирическом исследовании было обнаружено, что смысл жизни как вершинный смысловой регулятор личности связан с гендерной идентичностью, возрастом и профессиональной деятельностью. В понимании и изображении испытуемыми смысла жизни феминные черты связаны с большим объемом, метафоричностью и описанием временной динамики жизни. Маскулинные черты – с реалистичностью, конкретностью. Реалистичность и конкретность в изображении смысла жизни соответствуют маскулинным чертам и у мужчин, и у женщин. В понимании смысла смерти к зрелому возрасту усиливается более объемное, реалистичное и движущееся во времени осознание финала жизни. Феминные черты у женщин и мужчин связаны с символическим, метафорическим пониманием смысла смерти. В понимании смысла жизни и смерти в наибольшей степени представлены две позиции. Первая – оптимистический акцент на жизни, поиск бессмертия, отрицание смерти, утверждение жизненности, витальности тела или духа, отказ признавать конечность человеческого существования. Вторая позиция – экзистенциальный взгляд, т. е. радость принятия жизни со всеми ее фазами и стадиями, принятие жизненного цикла и факта смерти (Ожигова, 2009).

Возвращаясь от эмпирического анализа к теоретическому, надо сказать, что современное постнеклассическое понимание мира человека характеризуется ростом рефлексии его ценностных и смысловых аспектов. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений – это не осознание их, а преобразование. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потен-

циально содержится возможность его понять. Понимающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. Постнеклассическая психология человеческого бытия предполагает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексии над основаниями рациональных типов познания. Как отмечает В. А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает пересмотр, изменение и развитие самих правил (Лекторский, 2001).

Интересную линию исследования соотношения рационального и иррационального в рассуждениях человека о жизни предлагал В. Н. Дружинин. Эта линия состоит не столько в «вертикальной» плоскости анализа (сознание – бессознательное), сколько в «горизонтальной» – отношения субъекта с миром. Например, один жизненный сценарий («жизнь по правилам») заключается в рефлексии тех преимуществ, экономии напрасных усилий и негативных эмоций, которые возникают в результате создания и принятия определенных правил поведения, от которых человек старается не отклоняться. Другой, в значительной степени противоречащий первому («жизнь начинается завтра»), строится на субъективной модели мира. Согласно ей, несовершенная здесь и сейчас жизнь рассматривается только как подготовка к «настоящей» жизни, в которой будет много хорошего. Выделенный В. Н. Дружининым почти десяток сценариев представляет собой не только продуктивную попытку научного анализа соотношения внешних и внутренних детерминант формирования возможных линий жизни человека. В сущности, в них выражаются неодинаковые типы рациональных рассуждений (Дружинин, 2000).

Итак, в современной психологии категория «человеческое бытие» неразрывно связано с понятием «мир человека». Исследования этих проблем уже находятся в фокусе внимания психологов. У меня нет сомнения в том, что вследствие актуальности этих проблем интерес к ним в ближайшие годы станет расти. И перспективные направления их исследования просматриваются уже сегодня. Одно из них – постановка вопроса о множественности или единичности жизненного мира субъекта (Кимберг, 2009). Учитывая множественность и неоднородность онтологии бытия, существование разных реальностей, вполне логичным становится предположение о том, что в них могут реализоваться неодинаковые закономерности организации мира человека. «В связи с тем, что мы рассматриваем мир и человека только совместно, этот вопрос начинает звучать так: имеет ли место один мир человека и один его субъект, или же жизнь человека может быть описана как его движение по многим мирам, в каждом из которых он выступает как особый субъект?» (там же, с. 28). Субъектный или жизненный мир человека – это не просто ментальная репрезентация, а такая модель реальности, которая является регулятором психической активности и инструментом организации жизни. Модель определяет *видение* субъектом своей жизни и места в мире. Из модели логично вытекает идея множественности идентичностей человека. Она находит конкретное воплощение в том, что в разных условиях жизни человек актуализирует неодинаковые конфигурации личностных черт, ролей, умений и мотивов.

Обсуждая проблемы понимания мира человека, психологу невозможно игнорировать еще одно понятие – «внутренний мир». Далее я неоднократно буду его упоминать, имея в виду значение, которое придавал ему Б. Г. Ананьев. Внутренний мир выражает индивидуальность человека, он включает самосознание, индивидуальную систему ценностных ориентаций, субъективно организованные образы и понятия. В течение жизни внутренний мир развивается: происходит переработка опыта, человек вырабатывает собственные позиции, убеждения, пути самоопределения и саморазвития (Ананьев, 1968). Разумеется, я буду учитывать и более современные контексты использования этой категории в психологической науке: понимание

внутреннего мира как целостного, автономного и вместе с тем неразрывно связанного с внешними по отношению к человеку сторонами многомерного мира (Климонтова, 2011).

1.2. Определение «понимания мира человека»

Категория «понимание» относится в современной науке к одной из самых универсальных и вместе с тем многозначных. В психологической англо- и немецкоязычной научной литературе представлены по меньшей мере семь контекстов, в которых употребляется термин «понимание»: методологический, когнитивный, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и экспериментально-психологический (Знаков, 1994). В соответствии с этими контекстами можно выделить и семь научных направлений изучения понимания. Поскольку все они представляют собой подходы к анализу одной и той же проблемы, то естественно, что любой из них не может развиваться обособленно от остальных. Тем не менее, как показывает рассмотрение конкретных исследований, каждый из подходов характеризуется наиболее пристальным вниманием авторов исследований лишь к одному из аспектов понимания при относительном игнорировании остальных. Соответственно определения понимания настолько отличаются друг от друга, что можно подумать, что ученые обсуждают разные феномены. Например, лингвистический подход к проблеме состоит в стремлении исследователей найти истоки понимания в преобразованиях структур языка. Ученые, находящиеся под влиянием идей трансформационной грамматики Н. Хомского, полагают, что семантическая репрезентация предложения эквивалентна или, по крайней мере, тесно связана с лингвистическими глубокими структурами. Для психолингвистов понимание – это результат трансформации поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых утвердительных конструкций. Субъект поймет сложноподчиненное или сложносочиненное предложение, если сумеет разбить его на части, из которых оно состоит. В отличие от этого в логическом подходе понимание рассматривается как способность к умозаключениям. Пониманием называется введение выражения в непротиворечивую логическую систему и установление его связи с элементами системы. Понимание выражения заключается в таком его переводе из одной знаковой системы в другую (состоящую из более обобщенных знаний), в результате которого устанавливается связь данного высказывания с элементами новой системы (в которую интересующее субъекта знание входит как частный случай). Установление этой связи и означает понимание высказанного предложения.

Очевидно, что определения понимания в двух подходах радикально отличаются как друг от друга, так и от дефиниций психологов, ориентированных на другие парадигмы.

За последние тридцать лет на доступных мне языках (русском, английском и немецком) я прочитал около трех тысяч публикаций по данной проблеме, в которых встретил не менее двухсот определений понимания. И сейчас возникает вопрос: надо ли стремиться придумать двести первое «абсолютно точное и универсальное» определение? Ненужность и даже бессмысленность такого рода умственных усилий обусловлена, как минимум, двумя причинами: неодинаковостью психологических механизмов понимания субъектом событий, явлений, фактов в разных реальностях человеческого бытия (об этом я еще неоднократно буду писать на страницах этой книги) и изменением методологии социогуманитарного познания. Первая, конкретно-психологическая, причина указывает на то, что универсального определения понимания быть не может. Вторая – методологическая – причина напоминает ученым о том, что любое определение предмета научного исследования задает его жесткие и потому ограничительные рамки. Неудивительно, что К. Поппер говорил: «Нам не нужна определенность» (Поппер, 1992, с. 322).

Одной из ключевых характеристик современной науки является широкое распространение постнеклассического типа научной рациональности (Степин, 2000). Такая рациональность основана на научных представлениях не только о неизбежности включенности в объективное знание процессов и результатов субъективной деятельности ученых, но и о множественности

вариантов интерпретации, неоднозначности понимания познаваемого мира. Понимание – это такой психологический феномен, который только в тех редких случаях, когда оно основано на значениях и знаниях, можно описывать в однозначных категориях «истинное – ложное». При опоре на мнения и смыслы или переживания и опыт понимание можно характеризовать с позиций либо «правильности – неправильности», либо «правдивости – лживости». И в том, и другом случае понимание оказывается принципиально неоднозначным. Именно поэтому я уже давно прекратил попытки дать «единственно верное» определение обсуждаемого психологического феномена. Более разумным, необходимым и достаточным мне представляется описание сути понимания посредством экспликации его главных категориальных признаков: выход за непосредственные границы содержания понимаемого и соотнесение предмета понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта о должном. Кроме того, нужно проанализировать основные условия реализации понимания – мнемическое, целевое, эмпатическое, ценностно-нормативное (Знаков, 1994).

Такой подход соответствует постнеклассическим представлениям об относительности (и в предельном случае – даже необязательности) любых определений. Современная наука, в том числе та, в фундаментальности которой никто не сомневается, изобилует примерами интенсивных определений, явно не отличающихся ясностью и однозначностью. Примером может служить определение такого фундаментального понятия, как энергия. В словаре С. И. Ожегова она определяется как «одно из основных свойств материи – мера ее движения, а также способность производить работу» (Ожегов, 1988, с. 742). Хотя определение энергии имеет функциональный описательный характер, энергетика интенсивно развивается и играет огромную роль в поступательном развитии человечества.

В соответствии с представленной выше логикой я изложу понимание мира человека посредством выявления условий его реализации в разных ситуациях человеческого бытия и описания наиболее значимых категориальных признаков. Что я имею в виду, когда говорю о понимании мира человека? Главным образом то, что мы понимаем что-то конкретное (брата, что такое ускорение, логарифм и т. п.) только на основе осмысленного знания, понимания смысловой структуры мира, в котором живем. Каждый раз мы понимаем частное, потому что знаем общее. И это относится ко всем реальностям – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Например, телезрителям было понятно, почему люди разбегаются в разные стороны, когда они увидели телесюжет о медведе, каким-то образом зашедшем в один из универсамов в Хабаровске. Понятно, потому что каждый из нас знает, как может быть опасен в такой ситуации дикий зверь. Мы понимаем метафорический смысл названия фильма «Унесенные ветром», потому что знаем, что такое ураган. Зимой нам понятно, почему человек обходит стороной дом, с крыши которого свисают сосульки. Мы знаем не только о силе тяжести, но и о том, какие трагические случаи возможны в подобных ситуациях. Наконец, если на консультацию к психологу приходит человек и жалуется на депрессию, то профессионал не спрашивает: «Что это такое?» – а сразу думает о том, какие психотерапевтические приемы ему следует использовать для психологической помощи.

Таким образом, понимая каждый день множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих – событий и ситуаций. Именно такой интерпретации конструкта «понимание мира человека» я буду придерживаться в книге.

1.3. Три реальности мира человека

Мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотносена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования (Рубинштейн, 1997). Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Современные ученые убеждены в многомерности и многослойности мира человека. В. А. Лекторский пишет, что «тот мир, в котором живет человек, оказывается не монолитным, а многослойным. Можно даже сказать, что это несколько миров: обычный „жизненный мир“, мир субъективных переживаний и мир, полагаемый специализированным размышлением: сначала самой философией, а затем наряду с ней научным знанием» (Лекторский, 2012, с. 7–8). В. С. Мухина считает, что изучать психологию личности необходимо на пересечении пяти реальностей, определяемых развитием исторически обусловленного существования человека. Она классифицирует их следующим образом: «1 – реальность предметного мира; 2 – реальность образно-знаковых систем; 3 – природная реальность; 4 – реальность социально-нормативного пространства; 5 – реальность внутреннего пространства личности» (Мухина, 2014, с. 48).

В психологических исследованиях многомерность мира проявляется даже тогда, когда мы изучаем конкретные феномены, такие, как сознание. На это указывает Е. В. Субботский: «Итак, реальность сознания не гомогенна: она состоит из нескольких типов реальностей, и в каждом из них – свой тип причинности, пространства и времени... И в каждом типе реальности мы встречаем разные виды объекта, пространства и времени, и каждый раз – иные понятия о том, что реально, а что – иллюзия» (Субботский, 2007, с. 4–5). Сторонник психосемантического конструктивизма В. Ф. Петренко также изучает сознание как многомерное (Петренко, 2010). Обсуждая проблемы психологии восприятия, А. Н. Леонтьев говорил о построении в сознании человека многомерного образа мира, образа реальности. Он придерживался материалистических взглядов и вместе с тем развивал идеи, которые очень близки современной конструктивистской психологии. Субъект, конечно же, строит не мир, а образ мира, активно «вычерпывая» содержание, материал для образа. «Процесс восприятия и есть процесс, средство этого „вычерпывания“, причем главное состоит не в том, как, с помощью каких средств протекает этот процесс, а в том, что получается в результате этого процесса» (Леонтьев, 1983, с. 255). В. Е. Ключко анализирует онтогенетическое становление многомерного мира. Он отмечает, что в нем «сливаются субъективное и объективное, порождая психологическое пространство, которое так сложно определить и закрепить адекватным понятием, способным уловить состоявшийся взаимопереход противоположностей и порождение особого слоя, где сознание и бытие выступают в нерасторжимом единстве и не имеют однозначных причинно-следственных связей – бытие в такой же степени определяет сознание, как и наоборот» (Ключко, 2005, с. 139).

Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека несколько отличается от позиций названных психологов. Она формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной; традиций психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной; способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного; форм понимания – понимания-узнавания, понимания-прогнозирования, понимания-объединения – и его результатов – типов понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постижения.

Современные люди живут в многомерном мире, и это отражается не только на его понимании, но и на том, как мы определяем этот феномен. Понимание имеет большое значение на разных уровнях человеческого бытия. Под многомерностью мира я имею в виду то, что факты,

события и ситуации окружающего нас природного и социального мира таковы, что их понимание не может всегда строиться на одинаковых психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на достоверных знаниях, в других – на интерпретациях, проявляющихся в мнениях разных людей; наконец, есть ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых. Тем не менее у понимания как общепсихологического феномена во всех трех реальностях есть два системообразующих признака. Первая психологическая особенность понимания заключается в том, что мы всегда выходим за непосредственные границы понимаемого (фактов, событий, ситуаций) и включаем его в какой-нибудь более широкий контекст. Второй отличительный признак понимания заключается в том, что для того, чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими представлениями о должном – принимаемыми социальными, групповыми, моральными нормами поведения. Только наличие в психике понимающего субъекта обоих компонентов дает ему возможность порождать смысл понимаемого. Именно такого «определения» понимания я буду придерживаться в книге.

Эмпирическая реальность. В нашей жизни немало ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Такой тип ситуаций нидерландский методолог науки Ф. Анкерсмит определяет как «принуждение опытом» (эмпиризм). Говоря о реальности, субъект (в частности, историк) только описывает ее в терминах отдельных утверждений о событиях, обстоятельствах, каузальных цепочках и т. д. При этом субъект выступает как эмпирик, подчиняется принуждению опыта (Анкерсмит, 2007). Следуя за Анкерсмитом, я назвал первый тип реальности «эмпирическим». Иначе говоря, эмпирическая реальность включает два вида окружающей человека среды: природную, состоящую из объектов и явлений, и предметную, созданную людьми.

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. Или, как говорил К. Поппер, использовать принцип фальсифицируемости, принципиальной опровержимости утверждений. Например, опираясь на метрическую систему мер, любой образованный человек выберет истинное высказывание из пары: «Кит весит больше карася» и «Расстояние от Москвы до Владивостока не превышает тысячу километров».

В нашей жизни немало ситуаций взаимодействий людей с объективной и очевидной для всех реальностью. Знания о таких ситуациях (в том числе изучаемых психологами) могут быть только истинными или ложными. Например, если кто-то скажет, что расстояние от Саратова до Самары 5 тысяч км, то проверка ложности этого высказывания доступна каждому, кто знаком с системой измерения, в основании которой лежат метры и километры. Истинность или ложность высказываний в таких ситуациях проверяется эмпирически, путем их сопоставления с объективной действительностью. Применительно к подобным ситуациям (и только к таким) можно говорить об универсальности и общезначимости истины: расстояние в 5 тысяч км одинаково на всех шести континентах. Понимание истинности высказываний не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. Следует заметить, что только небольшая часть психологических исследований, преимущественно в рамках когнитивной традиции, направлена на изучение закономерностей формирования и развития психики в процессе взаимодействия человека с эмпирической реальностью. Большинство исследований (фрустрации, оптимизма, понимания и переживания террористической угрозы и др.) в основном связано с социальным миром.

В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности – сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется

то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения.

Хотя это может показаться странным любому здравомыслящему человеку, но сегодня существование эмпирической реальности необходимо снова доказывать. С появлением в 2011 г. в Италии «нового реализма» (Феррарис, 2014) научные дискуссии о существовании действительности обрели новые рамки, ограничительный концептуальный каркас. Он определяет необходимость различения онтологии и гносеологии: действительность, существующую независимо от наших представлений о ней, и теоретические модели, включающие способы ее познания и понимания. М. Феррарис иллюстрирует такое различие на примере изучающих природу простых школьников и судей, которые при вынесении приговора опираются на модельные представления – прецеденты, установления, законы (Феррарис, 2014).

Фактически «новые реалисты», вводящие различие между онтологией и гносеологией, утверждают то, что психологам было известно из работ С. Л. Рубинштейна: объективная реальность включает в себя сознание познающего ее субъекта. Сегодня в физике эту идею развивает автор квантовой теории сознания М. Б. Менский (2011). В российской психологии наиболее значительный вклад в ее анализ внес В. Ф. Петренко (Петренко, 2010; Петренко, Супрун, 2013, 2014). Физики вслед за Н. Бором утверждают, что лишь способы познания, процедуры измерения дают возможность говорить о существовании реальности в форме элементарных частиц. Как писал Д. А. Уилер, «ни одно элементарное явление не является явлением реальным, пока оно не становится явлением наблюдаемым» (цит. по: Петренко, Супрун, 2013, с. 68). Отсюда следует, что пока не выполнено наблюдение или измерение, объекты в микромире, например электроны, не существуют вообще нигде. В рассуждениях В. Ф. Петренко содержится существенное уточнение: «Отметим, что более правильным было бы утверждение, что до наблюдения объект не присутствует в нашем сознании, – ведь физики настаивают на объективном существовании реальности именно за пределами сознания, а потому не следует смешивать реальность досознательную, и ее репрезентацию в сознании. Реальность настоящего и ее репрезентация в объектной пространственно-временной форме – это все же не одно и то же» (Петренко, Супрун, 2013, с. 68).

И физики, и психологи признают объективное существование действительности, но нельзя смешивать реальность и ее репрезентацию в сознании, т. е. онтологический и гносеологический аспекты исследования. Проблема осложняется тем, что для разных людей, воспринимающих внешний мир, качества предметов и объектов реальности неодинаковы, потому что они зависят не только от действительно присущих им свойств и характеристик. Например, в физической реальности нет запахов: они обусловлены спецификой наших органов чувств. Так же «согласно современной физике, тяжесть не является свойством самого объекта, а зависит от гравитационного взаимодействия двух тел; а, например, невесомость космонавта на околоземной орбите представляет собой его свободное падение» (Петренко, Супрун, 2014, с. 70).

И тем не менее для понимающего мир субъекта эмпирическая реальность отличается от социокультурной и экзистенциальной: события и ситуации в ней имеют бесцельный, ненаправленный, неодушевленный характер. Для их понимания люди используют «природную систему фреймов» (Гофман, 2003), т. е. рамок, в которых структурируется индивидуальный опыт. Фреймы не только структурируют опыт: согласно данным западной когнитивной психологии, они определяют понимание. Субъект понимает мир, сопоставляя входные сообщения с обобщенными схемами памяти – фреймами, сценариями, макроструктурами (Abelson, 1979; Kintch, van Dijk, 1978; Thorndyke, 1977). Кроме того, любое понимание всегда основано на самопонимании и рефлексии понимающего субъекта: «Поскольку фрейм включает в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность, всякий трезвый взгляд на

события непременно должен содержать рефлексию. Правильное понимание сцены предполагает понимание того, как понимается сцена (Гофман, 2003, с. 146–147).

В социогуманитарных науках наиболее обобщенное представление о фреймах как интерпретационных схемах понимания реальностей дано в книге И. Гофмана. Он пишет: «Основное различие между природной и социальными системами фреймов заключается в роли, исполняемой, в частности, индивидами. Если речь идет о природном взгляде на реальность, индивиды, как и любые другие действующие лица, не обладают никаким особым статусом, они подчиняются детерминистскому способу существования, не зависящему от чьей бы то ни было воли и не имеющему никакого отношения к морали. Если же мир рассматривается через социальную систему фреймов, индивиды ведут себя иначе. Они определяются в терминах самодовлеющей активности (*self-determined agencies*), они знают, что можно делать, а что нельзя, и несут моральную ответственность за свое поведение» (Гофман, 2003, с. 254).

Таким образом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности только вследствие переживания, трансформации, конструирования новых знаний о мире и опыта субъекта. В науке новые знания представлены в теориях, концепциях: «Мы понимаем структуру реальности, только понимая объясняющие ее теории. А поскольку они объясняют больше, чем непосредственно осознаем, мы можем понимать больше того, в чем непосредственно отдаем себе отчет» (Дойч, 2015, с. 23).

Итак, эмпирическая реальность – это неодушевленная природная (включающая животных) и предметная среда, в которой живет и с которой взаимодействует человек. «Взаимодействие» не предполагает обязательного чувственного восприятия, достаточного осмысления и понимания. Я не был в Антарктиде, но понимаю, что этот материк составляет часть природы планеты Земля. Я никогда не видел алышписа, но знаю, что это часть рыцарских доспехов, западноевропейское холодное оружие (короткое копьё с дискообразным ограничителем).

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержаний индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом (Савельева, Полетаев, 2003). Понимание оказывается одним из главных психологических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы тем самым творим реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности! Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Такая реальность «имеет двойственный характер: в нее, с одной стороны, входят объекты, обладающие признаками вещиности (то, что в античной философии обозначалось как *res*); с другой стороны, сама мыслительная деятельность принадлежит к реальности (и обозначается, прежде всего, как субъективная реальность)» (Макаров, 2004, с. 9).

«Социокультурный» – значит обусловленный социальными и культурными причинами. В отечественной психологии понятие «социокультурный» является важным элементом научного тезауруса ведущих российских психологов (Асмолов, 2012; Крюкова, Гущина, 2015; Соколова, 2015). Социокультурный подход отличен и от социального, и от культурного. Для психологов после Л. С. Выготского понятие «социокультурный» звучит как привычное и до банальности знакомое. Однако оказывается, в социогуманитарных науках, прежде всего в социологии и культурологии, социокультурный подход начал формироваться только в XXI в. В современной психологии развитие социокультурного подхода в значительной степени стимулируется формированием представлений о сетевой парадигме (Зеленкова, 2007) и сетевом принципе организации знаний (Гусельцева, 2015). В начале этого века переосмысление онтологии мира человека привело к трансформациям, новым взглядам на широко применявшиеся в социогуманитарных науках подходы – коммуникационный, организационно-структур-

ный, матрично-программный и др. Главная причина трансформаций – закрепление в сознании ученых убеждений в текучести (процессуальности, по А. В. Брушлинскому), множественности, неопределенности и даже «закономерной хаотичности» мира человека. «В частности, в видении социокультурного мира наблюдаются процессы, в чем-то родственные тому, что происходило в познании-описании физической реальности в начале XX в. Классическое – атомарно-дискретное и структурно-упорядоченное, предполагающее определенность и однозначность реальности видение – все более дополняется (а порой и вытесняется) неклассическим, для которого важнейшими предикатами реальности оказываются текучесть, множественность, гетерогенность, «разупорядоченность» (хаотичность) и неопределенность (Закс, 2015, с. 89).

Психологами такие взгляды не воспринимаются как что-то совершенно новое и потому неожиданное. К примеру, В. А. Петровский характеризует обыденное сознание как когнитивный хаос – множество отрывочных неупорядоченных сведений и представлений, свободно сочетающихся и непротиворечиво уживающихся друг с другом (Петровский, 2010, с. 182). В психологических исследованиях самопонимания обнаружено, что люди, достигшие высших постконвенциональных стадий самопонимания (автономной и интегративной – они проявляются у испытуемых не моложе 26 лет), считают устоявшееся стабильное самопонимание иллюзией, недостижимым и бесполезным идеалом. Они ясно осознают, что их внутренний мир не может кардинально отличаться от внешнего – неопределенного, изменчивого и многополярного. Они относятся к самопониманию как трансформации, постоянному переосмыслению точек зрения на себя. Например: «Я – это... совокупность противоречий: я – плохой и хороший, самоуверенный и сомневающийся, равнодушный и сердечный в одно и то же время. Наверно, нет таких недвусмысленных определений, чтобы ответить на вопрос: кто я?» (Cook-Greuter, 1994, p. 131). Такое самопонимание не основывается на дихотомической логике: иногда я хороший, а иногда плохой. На интегративной конструктивно осознанной стадии самопонимания, казалось бы, противоречивые рассуждения субъекта о себе в его психике объединены в единое целое. Они поняты и приняты им как две стороны одной монеты (я хороший и плохой в одно и то же время), потому что каждый концепт, по сути, может существовать как продолжение другого. Для объяснения психологической природы такого самопонимания уместно обратиться к данным, полученным в другом современном направлении психологических исследований – аналитического и холистического стилей мышления понимающего мир субъекта (подробнее см. раздел 3.2). Описанный тип самопонимания очень напоминает отношение к противоречиям у людей с выраженным преобладанием холистического стиля мышления (Nisbett et al., 2001).

Согласно социокультурному подходу, в социогуманитарных науках социальный анализ направлен на интерпретацию соотношения индивидуального и социального субъектов, т. е. людей и тех общностей, социальных групп, к которым они принадлежат. В частности, в психологии социального познания познающим субъектом является группа (Андреева, 2013). Иные акценты расставляются в культурологических описаниях мира человека. Согласно энциклопедии культурологии «социокультурная система» – это «термин, используемый в социальной антропологии и культурологии в качестве альтернативы терминам „социальная система“ и „культурная система“» (Николаев, 1998, с. 224). По существу, в названном понятии отражено неразрывное единство социальных и культурных сторон единой социокультурной реальности. При этом общество воплощает в себе единство социальности и культуры. Культура, согласно Н. И. Лапину, представляет собой совокупность способов и материальных, и духовных результатов деятельности человека. Культура для людей служит *программой* деятельности. Социальность – это совокупность *отношений* каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами. Отношения (экономические, политические, социальные, психологические) тоже формируются в деятельности. «Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом,

характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия» (Лапин, 2000, с. 4).

В социокультурной реальности так же, как в эмпирической, есть объективные факты, не зависящие от сознания (однако предполагающие их понимание множеством индивидуальных субъектов). Например: «Великий русский полководец А. В. Суворов умер 18 мая 1800 г.»; «И. Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней»; «Психолог В. М. Аллахвердов в 2012 г. в телепрограмме „Культурная революция“ утверждал, что юнговского коллективного бессознательного не существует». Необходимым и достаточным признаком объективности высказываний о таких фактах является невозможность их разной интерпретации: психолог отрицал существование коллективного бессознательного, а противоположное утверждение (не отрицал, а соглашался с...) будет ложным. Объективные факты не могут быть основаны на мнениях, а не на достоверных знаниях. В социокультурной реальности есть немало фактов, которые обычные люди сознают и понимают, но не могут изменить: цены в магазинах, внешняя политика государства, пробки на дорогах и т. п. С этой позиции «социальный объект – это результат социального акта (в который вовлечены по крайней мере два человека или специально предназначенная машина и человек); он характеризуется тем, что зарегистрирован на бумаге, в компьютерном файле или даже просто в голове участвующих в этом акте людей. Будучи однажды зарегистрированным, социальный объект, зависимый от разумов в отношении своего происхождения, становится независимым в отношении своего существования...» (Феррарис, 2014). Социокультурные факты зависели от способов их познания тогда, когда люди впервые их получали и осмысливали. Однако после фиксации на каком-либо носителе они стали такими же объективными, как природные объекты: независимыми от специфики их понимания индивидуальными и коллективными субъектами.

В психологии сущность социокультурного подхода определяется стремлением исследователей рассматривать мир человека как такое единство культуры и социальности, которое возникает и преобразуется в результате человеческой деятельности. В отличие от социологов, культурологов и других ученых для психологов при анализе социокультурной реальности главным является изучение общения, психологии взаимодействующих субъектов. При этом ключевую роль играют основанные на субъективных мнениях, точках зрения индивидуальные различия в понимании разными людьми одних и тех же событий и ситуаций. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, несводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий. В социокультурной реальности понимание фактов основано не на достоверных знаниях, а на *мнениях* людей и порождаемых ими *смыслах* событий и ситуаций. Неудивительно, что любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в соответствии с разными теориями.

События и ситуации в социокультурной реальности имеют целенаправленный, мотивированный, осмысленный характер. Интерпретационной схемой их понимания является «соци-

альная система фреймов» (Гофман, 2003). Важная функция фреймов заключается в том, что они не только указывают рамки, в которых следует понимать конкретные фрагменты мира, но и содержат нормативные предписания, т. е. указания на то, что должно оказаться в фокусе внимания понимающего субъекта. Фрейм только направляет, но жестко не детерминирует понимание социальных фактов.

Социокультурная реальность дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». Так же как эмпирическая реальность, социокультурная не существует отдельно от людей. Социокультурную реальность невозможно построить и описать без языка и понимания, потому что она порождается в познании, общении и дискурсивных практиках. В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется или к вербальной стороне общения: он включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты. Из дискурсивности социокультурной реальности следует, что она интерсубъектна. На постнеклассическом этапе развития методологии научного познания (Степин, 2000) одним из главных критериев объективности знания стала его интерсубъектность. Она основана на согласованном мнении ученых о том, какие утверждения следует считать научными, рациональными, а какие нет. Знания о событиях и ситуациях социокультурной реальности основаны преимущественно не на наблюдении, а на интерпретации. Иначе говоря, в такой перспективе знания возникают не в результате предвосхищения, контроля и сопоставления явлений и событий, а вследствие интерпретации и идентификации их значений и смыслов для наблюдающих их людей. Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи. Следовательно, во-первых, для психологов понимаемые факты существуют одновременно и в самом субъекте, и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий. Во-вторых, существует бесконечное разнообразие социально построенных фактов.

Из плюрализма мнений, множественности интерпретаций следует, например, нередкое и даже закономерное расхождение реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации (Мохирева, 2012). Сообщения СМИ – это всегда уже проинтерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как все произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну „грань“ события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определенной оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за „границей“ текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» (там же, с. 116). Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространенном суждении: в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту «кажущуюся реальность» творят СМИ).

В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от друга, что становится трудно установить общее между ними. «Так, например, для одной экономической теории товар – это вещь, которая имеет цену как свойство вещи; для другой – цена не свойство, а отношение к деньгам; для третьей цена – это превращенная форма стоимости, а деньги – особый товар...» (Кошовец и др., 2015, с. 170).

Важно отметить, что используемая для описания социокультурной реальности интерпретационная схема «социальной системы фреймов» включает указания и на то, что иногда даже не реальные, не происходившие на самом деле события или несуществующие явления понимаются людьми как действительные. Достаточно упомянуть мешки писем, отправленных детьми Санта Клаусу. В Лондоне в почтовом отделении, обслуживающим Бейкер стрит, даже были

вынуждены назначить специального чиновника, в функциональные обязанности которого входил разбор писем, много лет, приходивших на имя Шерлока Холмса. Вывод очевиден: и для детей, и для взрослых эти несуществующие в действительности персонажи были реальными людьми, живущими в одном с ними человеческом мире.

В современном научном дискурсе соотношение «обыденной» и «необыденной» реальностей (Субботский, 2007) актуально, прежде всего, в контексте развития виртуалистики – продукта компьютерных и психологических технологий. Используя интернет, «присутствуя в настоящем месте и времени, мы пребываем в разных реальностях, в том числе одновременно, а также достаточно легко осуществляем переходы из одной доступной реальности в другую. Ненастоящее в определенном смысле не менее реально (реалистично), нежели настоящее, оно предлагает эвристичные и способствующие развитию познания направления интеллектуального поиска. Технический прогресс обогащает известные представления не только о виртуальности, но и о многоуровневой структуре реальности. Структура реальности во многом соответствует структуре сознания, а расширение знаний о структуре реальности способствует расширению структуры сознания» (Войскунский, 2012, с. 176).

В XXI в. в социогуманитарных науках произошло радикальное изменение научных представлений о природе социокультурной реальности.

Можно выделить *три* магистральных направления изменений.

Первое направление реализуется в переосмыслении роли символов в понимании любой реальности, в частности виртуальной среды. Второе направление изменения представлений – замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой. Третье направление – возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе (Петрова, 2013).

Первое, «символическое», направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности ясно представлено в трудах М. Кастельса о влиянии информационной эпохи на экономику, общество и культуру. Он пишет: «Таким образом, реальность, так, как она переживается, всегда была виртуальной – она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строгого семантического определения. Именно эта способность всех форм языка кодировать двусмысленность и приоткрывать разнообразие интерпретаций и отличает культурные выражения от формального/логического/математического рассуждения. Сложность и даже противоречивость сообщений, исходящих из человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность наших дискурсов. Именно диапазон культурных вариаций смысла сообщений позволяет нам взаимодействовать друг с другом во множественности измерений, имплицитных и эксплицитных. Так, когда критики электронных СМИ утверждают, что новая символическая среда не отражает реальность, они подсознательно ссылаются на примитивное до абсурда понятие „некодированного“ реального опыта, который никогда не существовал. Все реальности передаются через символы. И в человеческой, интерактивной коммуникации независимо от средств все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» (Кастельс, 2000, с. 351).

Психологические исследования символов обнаруживают многослойность их содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности символа, проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в

готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через развертывание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т. п.), но и целые мировоззренческие и социальные системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понимания символа дан в лекциях М. К. Мамардашвили об эстетике мышления. Он говорил о том, что «символы есть символы сознания, которые одновременно незнание. Это – со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу „со-“ превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Второе направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности – появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека. Новые возможности определения человека, пересмотра взглядов на его социальную природу не допускают жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности.

Один признак сетевой структуры заключается в перемещении фокуса внимания ученых-гуманитариев с самодостаточных определяемых в исследовании объектов (партия, здоровье, образование и т. п.) на соотношения между ними: «Поскольку центр тяжести переносится с элементов системы (узлов сети) на взаимосвязи между ними, а сами узлы при ближайшем рассмотрении тоже оказываются сетями, само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным. При анализе таких структур на первый план выходят характеристики сети как динамической системы с высокой степенью нестабильности» (Зеленкова, 2007, с. 23).

Другой признак сетевой структуры мира человека – не подчинение, а равнозначное взаимодействие множества ее компонентов. Это означает равноправное существование множества виртуальных, коллективных, личных пространств и времен в социокультурной реальности. В психологии это относится к равноправному существованию множества подходов, на основании которых мы получаем знание о психической организации человека. Появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека привели к пересмотру взглядов на его социальную природу, не допускающую жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные воз-

возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности. Согласно ситуативно-сетевому подходу, знание организуется во взаимосвязанную сеть понятий и моделей, в которой отсутствует какой-то ведущий системообразующий признак (Гусельцева, 2015). В ситуативно-сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом, что в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности. Любая методология, психологическая школа, подход могут стать ведущими в зависимости от контекста и задачи исследования. Но тогда во весь рост встает проблема релятивизма. В современных социогуманитарных науках непротиворечиво совместно существуют три релятивистских версии обоснования закономерной множественности мира человека. *Эпистемологический* релятивизм основан на убеждении, что знание в одной культуре так же хорошо, как знание в другой. Вследствие этого нет серьезных оснований считать, что один подход сколько-нибудь лучше другого. Согласно *этическому* релятивизму, разные этические системы ситуативно обусловлены и локальны: нет никаких оснований утверждать, что мои этические стандарты лучше ваших. Наконец, *политический* релятивизм: нет причин предпочитать мою политику вашей. Мы должны жить и давать жить другим (Ло, 2015, с. 134).

Для психолога проблема релятивизма может быть переформулирована так: а каковы критерии предпочтения в определенный момент того или иного подхода, этой, а не той системы знаний? Ответ на этот вопрос необходим для осуществления психологического анализа телеологически направленного поведения людей, как, например, в нарративном подходе или исследованиях целеобразования в школе О. К. Тихомирова.

Вопрос о релятивности или, наоборот, критериях предпочтения определенной системы знаний особенно актуален для психологов-конструктивистов. Во многих научных дискуссиях их упрекают именно в релятивизме: они якобы не хотят описывать онтологию реального мира, подменяя ее «вымыслами», ментальными понятийными конструктами. Попытку ответить на указанный вопрос предпринял Дж. Д. Раскин (Raskin, 2001).

Основная идея релятивизма заключается в том, что все наши суждения, представления и понятия о чем бы то ни было верны лишь относительно нашей цивилизации, культуры, уровня развития и вообще формы социальной жизни. Конструктивизм основан на утверждении, что люди «конструируют» реальность под себя, на основе индивидуального опыта и личностных смыслов. Неудивительно, что многие видят здесь прямые отсылки к релятивистскому мировоззрению. Противоположный конструктивизму объективизм утверждает, что существует некая вневременная, внекультурная матрица, фрейм, к которой мы можем апеллировать, чтобы установить истинность чего-либо. Приверженцы объективизма и, в частности, большинство представителей эмпирической науки (к которой традиционно относят и психологию) считают, что конструктивистскому подходу не хватает связи с реальностью, с объективными критериями, и поэтому невозможно считать этот подход научным. Они спрашивают: «Если для любой вещи или события существует бесконечное число вариантов описания, конструирования, то как можно знать, чья версия реальности более точна?». «Спасительной» с точки зрения противостояния обвинениям в релятивизме идеей является суждение, согласно которому мы не столько конструируем реальность, сколько изменяем наши представления о ней. Эта современная идея явно перекликается с тем, что в конце прошлого века говорил А. Н. Леонтьев: познающий субъект строит не мир, а образ мира, активно «вычерпывая» содержание, материал для построения образа из реально существующей онтологической действительности (Леонтьев, 1983).

Для Дж. Д. Раскина и его единомышленников после 11 сентября 2001 г. особенно актуальной стала проблема морального релятивизма: если допустимы разные типы морали, то конструктивисты не способны осудить теракт 11 сентября? если истина относительна и любое моральное суждение допустимо, пока кто-нибудь считает его верным, то конструктивисты дей-

ствительно не могут одобрить одну версию правды? следовательно, конструктивисты не могут сказать, что действия террористов являются злом. Критики считают, что конструктивисты сами загнали себя в угол, поскольку они не могут осудить какое-либо мнение и обязаны допускать все точки зрения. Все положения эквивалентны, и основание для морального действия разрушено. Однако ответ на обвинение в моральном релятивизме также содержится в потенциальной множественности вариантов поведения. Конструктивисты никогда не говорили, что люди должны принимать плохое к себе обращение, несправедливость или террор. Они только утверждали, что важно понять, что существуют разные виды реакций, деятельности. Вследствие этого если люди подвергаются нападению из-за верований или по другой причине, то, как полагают конструктивисты, можно по-разному отвечать на это. Если человек ценит мирное сосуществование, то он может защищать свою веру. Если кто-то вредит человеку потому, что не соглашается с его верованиями, можно защищаться. Если субъект считает, что внешняя действительность не может полностью оправдывать какие-либо действия, то разрешается и собственная защита. Способности убеждать кого-либо идеями оказывают больше влияния на человеческую жизнь, чем грубые факты: иногда необходимы утверждения в пользу конструктов, которые все принимают. Этика конструктивизма предполагает, что люди терпимы к альтернативным конструкциям, но когда присутствует угроза, можно сделать выбор из множества возможных видов действий. Иногда эти виды действий могут быть дипломатическими и сдержанными, но в особых случаях – нет (Raskin, 2002).

Психологический анализ проблем многообразия реальностей и суждений о них способствует переходу от методологического анализа к более конкретному психологическому изучению человека. В психологии множественность описаний обнаруживается в самых различных исследовательских областях. Психологи говорят о множестве возможностей презентации Я в опосредствованном компьютером общении (Фриндте, Келер, 2000), множественной личностной и этнической идентичности (Тучина, 2013), множественном характере онтологии человеческой жизни (Кимберг, 2009) и т. д. Главным в этом контексте является то, что психологи обнаруживают убежденность в множественности мира в сознании конкретных людей, достигших высоких уровней самопонимания и рефлексии межличностных отношений. Вот типичный пример: «Я просто не выношу людей, которые... Что значит „не выношу“?! Это слишком сурово. Как насчет: я предпочитаю людей, которые добры, вежливы и сердечны, уверенны в себе, умны и т. д. Людей с противоположными качествами я воспринимаю как необходимость» (Cook-Greuter, 1994, p. 129).

Третий признак сетевой структуры – такое новое понимание мира человека, фундаментом которого оказывается знание как взаимосвязанная сеть понятий и моделей. В психологии такое понимание воплощается в сетевом принципе организации знаний, точнее, в ситуативно-сетевом анализе (Гусельцева, 2015). Вот как он описывается: «Сетевой подход характеризуется подвижностью, асимметричностью и ситуативностью анализа: в зависимости от исследовательской задачи и выбранного ракурса (методологических предпосылок, исследовательских установок, настройки методологической оптики) по ходу исследования здесь может изменяться системообразующее основание (как таковое оно отсутствует); исследование скользит в неизвестность, подстраиваясь под изменяющуюся реальность» (там же, с. 169). Следовательно, в сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом: в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности.

Одним из значимых современных направлений психологических исследований, фактически направленных на реализацию сетевого принципа организации является анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). Обсуждая основания психологии социального познания, Г. М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социаль-

ной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член сообщества обладает таким знанием, и все они придерживаются некоторого общего интерсубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях. Люди все разные, поведение их различается. «Поэтому никогда не может быть двух одинаковых мнений даже об одном человеке, не говоря уж о каких-то более сложных социальных объектах. Это особенно актуально именно для социального познания, поскольку, кроме индивидуального опыта человека, здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь опыт культуры. Поскольку люди должны как-то понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь, они неизбежно существуют в некотором общем познавательном пространстве, т. е. разделяют – возможно в определенных пределах – значение тех или иных познаваемых ими объектов. Средством „разделяемости“ значений является коммуникация, когда образ социального мира вырабатывается сообща, что предполагает постоянный обмен информацией» (Андреева, 2009, с. 386–387).

В западной психологии изучаются психологические основания интерсубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kekle, 2011), здравоохранению (Kessel et al., 2011), службам занятости (Kohansal et al., 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Ю и Р. Зоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности, накопленные опыт и знания могут быть созданы надолго и иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Другое направление исследований – психологический анализ свойств личности и проявлений активности пользователей социальных сетей Интернета. Интернет является очень значимой составляющей социокультурной реальности. Неудивительно, что в нашей науке заметное место занимают психологические исследования виртуальной реальности (Асмолов, Асмолов, 2009; Войскунский, 2010, 2014; Селиванов, Селиванова, 2015; Солдатова, Рассказова, 2013). Сетевая природа Интернета, множественность виртуальных пространств, в которых реализуют себя пользователи социальных сетей (Рябикина, Богомолова, 2015) для психологов являются стимулами конкретно-содержательного наполнения сетевого принципа организации знаний. Например, в одном из недавних исследований показано, что пользователи, проявляющие высокую активность в социальных сетях, характеризуются высокой общительностью, но они безынициативны в межличностных отношениях, ожидают большей инициативы и эмоциональной вовлеченности со стороны партнеров. Им присущи стремление понравиться и отслеживание производимого впечатления. У них выражены тревожность, сниженный самоконтроль при высоком уровне самоактуализации и склонности к экспериментированию (Богомолова, 2015). Такого рода данные, как правило, сами по себе обладают признаками сетевой структуры: каждый результат имеет собственное уникальное значение, и нельзя сказать, что один из них более

значим, чем другой. При их интерпретации под разными углами зрения они раскрывают различные стороны психологического портрета пользователя.

Наконец, в этом контексте нельзя не упомянуть об использовании психологами сетевого анализа. Он дает возможность ученым изучать один и тот же социальный объект под неодинаковыми углами зрения, селективно подключать или отключать разные компоненты при изменении фокуса исследовательского внимания и значимости отдельных элементов сетевой структуры. Примером может служить осуществленный Дж. П. Резером и С. Мансером сетевой анализ осмысления американцами событий 11 сентября 2001 г. (Reser, Muncer, 2004). Они построили схематическую сеть в виде матрицы, в которой отражены следствия (теракт, ослабление роли США в мировом сообществе и др.) и причины, которыми многие испытуемые объясняют произошедшее (развитие конфликта на Ближнем Востоке, американская внешняя политика, расовые и национальные предубеждения, личностные особенности террористов и т. п.). Техника анализа учитывала сложные цепи рассуждений, в которых предшествующие эффекты формировали причины последующих. Из матрицы ответов видно: испытуемые полагают, что предыдущие исторические и культурные различия привели к предубеждениям и расистскому мировоззрению, которое направляло поступки людей, ставших зачинщиками событий 11 сентября. Авторы называют эти дистантные причины с индивидуальными агентами и человеческими эмоциями прямыми ближайшими. В матрице представлены сильно выраженные связи между степенью авторитарности личности и верой в справедливый мир: люди с высоким авторитаризмом чувствуют себя намного более безопасно в угрожающих ситуациях, если они верят в справедливый мир (там же).

Третье направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности – новые акценты в анализе самопознания, самопонимания и заботы о себе. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что в рамках психологических исследований Я-концепции происходит смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств, обладающей «самосложностью» и «самопросто-той» (Rafaeli-Mor et al., 1999), на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко, выделявшего два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе – заботе о себе (Фуко, 2014).

В наше время эти идеи находят воплощение, в частности, в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Современная педагогика характеризуется направленностью не только на получение знаний, но и на раскрытие обучаемым своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоение форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. «Обучение во многом представляет собой поиск своего „Я“, своей подлинной сути, которая затем ложится в основу дальнейшей деятельности. Самопознание оказывается основной практикой, в результате которой происходит конструирование себя как субъекта, наделенного определенными внеситуативными чертами и способного сохранять свою идентичность вне зависимости от той или иной ситуации или проявлять ситуационную изменчивость, сохраняя при этом самотождественность. В итоге все образование подчиняется этой идее выявления и поддержания собственной индивидуальности и личностной устойчивости субъектов образования» (Корбут, 2004, с. 129).

В современной психологической науке одна из заметных и, безусловно, значимых методологических тенденций заключается во всенарастающем интересе ученых к психологиче-

скому анализу внутреннего мира субъекта, взаимодействующего с целостным миром человека. В научных публикациях на русском языке это отражено в большом массиве работ, посвященных изучению психологических феноменов, название которых начинается с «само-»: самооценка, самовыражение, самосознание, самопонимание. В западной науке, пожалуй, наиболее обобщенные представления об этих феноменах отражены в трех направлениях: Psychological mindedness, Self-Constraint и Self-understanding. В каждом из них воплощаются, казалось бы, разнонаправленные усилия понимающего мир субъекта: познания, осмысления своих психологических особенностей и включения в свой внутренний мир точек пересечения ценностно-смысловых позиций других участников социальных взаимодействий.

Название первого направления – Psychological mindedness (Beitel et al., 2005) – трудно перевести на русский язык. В самом общем виде это «психологизация». Этой категорией обозначается интерес человека к своим чувствам, готовность понять себя, свои мысли и мотивы поведения. Вместе с тем в ней отражен аналогичный интерес к «модели психического» (Сергиенко, 2014) других людей, стремление к обсуждению своих и чужих психологических проблем.

Self-Constraint (Grace, Cramer, 2003). Как показали непростые лингвистические изыскания наиболее точным и адекватным предмету психологических исследований переводом этого понятия является «самоистолкование», «самоинтерпретация». Динамическая самоинтерпретация субъекта осуществляется на основе совокупности мыслей, чувств и действий, формирующихся и развивающихся у него во взаимоотношении с другими людьми. Западные психологи (DeCicco, Stroink, 2007; Singelis, 1994) теоретически и эмпирически выделили три типа самоинтерпретации. Взаимонезависимая самоинтерпретация реализуется в таком способе понимания себя, который проявляется в мыслях о своей уникальности, осознании личностью себя как целостного и стабильного Я, отделенного от социального контекста. Взаимозависимая самоинтерпретация – этот способ самопонимания выражается в конструировании субъектом представления о себе как члене определенной социальной общности, идентификации себя с группой, понимании себя через соответствие нормам и ценностям группы. Металичность самоинтерпретации изначально направлена на более широкий контекст психологического анализа, чем только внутриличностный и межличностный. Металичность самоинтерпретации – это способ самопонимания, представляющий собой постановку вопросов, направленных на поиск смысла своего существования, своих поступков в системе координат, которая выходит за пределы личности и охватывает более широкие стороны человеческого существования, жизни, человечества и даже космоса.

Self-understanding. Самопонимание является таким интегративным феноменом, который воплощает в себе и психические действия по углублению субъекта в себя, и направленность на выход в пространство межличностных взаимодействий. В социогуманитарных науках сегодня все большее распространение получает точка зрения, согласно которой самопонимание является и неотъемлемой составляющей любого понимания. Даже если субъект пытается понять что-то внешнее по отношению к себе, он выражает самого себя, познает, расширяет и понимает свой внутренний мир. Понимая что-то, человек понимает самого себя. Только на основе понимания себя он способен понять что-то другое. По мнению Ф. Фролиха, самопонимание субъекта является обязательным условием понимания других людей (Frohlich, 2005).

Указанные направления психологических исследований являются продуктивными и научно значимыми. Однако с сожалением приходится констатировать, что за редким исключением (Cook-Greuter, 1994) они проводятся в рамках телеологического подхода. Между тем более перспективным современным пониманием социокультурной реальности является не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. «Научиться жить в „хаосе“ как „порядке“ – это

и означает проявлять постоянную „заботу о себе“, самостоятельно себя искать – искать свой собственный стержень. В условиях снятия внешней власти образование человека осуществляется в отношениях власти над собой, власти как „заботы о себе“, как созидания себя в целях полноты реализации личностной уникальности. „Создай самого себя“ – так мог бы звучать в современных условиях известный тезис Сократа „Познай самого себя“» (Петрова, 2013, с. 133). Психологической иллюстрацией сказанного могут служить высказывания двух испытуемых: «Образование... – в данный момент означает для меня развернутый процесс конструирования знания о мире»; «Образование... – все люди понимают его по-разному. Для меня это бесконечный, непрерывающийся процесс пересмотра своих представлений о мире» (Cook-Greuter, 1994, р. 129). Заботу о себе ни в коем случае нельзя отождествлять с эгоистическим самолюбованием, откровенно эгоцентрической направленностью субъекта. Заботясь о себе, человек также постоянно переосмысливает действительность, включающую других людей, живущих в мире человека. О психологических аспектах феномена «заботы о себе» и его связи с конструированием субъектности речь идет в разделе 2.1.2.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия в отличие от эмпирической не объективируема, она не имеет явных референтов в предметном мире (например, какие объекты обозначают слова «содружество» или «участие»?). На это обращает внимание Т. А. Кузьмина, которая пишет о том, что «в человеческом бытии имеются и сосуществуют, по крайней мере, две реальности: предметно-объектная и необъективируемая, одна, подчиненная всем законам объектного мира, и другая „не от мира сего“, живущая по другим законам» (Кузьмина, 2014, с. 19). Ключевыми психологическими феноменами экзистенциальной реальности являются опыт, переживание, бессознательное, постижение, не имеющие объектных референтов.

Для экзистенциальной реальности человеческого бытия, повторяемость не важна, потому что она состоит из индивидуально неповторимых феноменов. В этой плоскости научного исследования психолог имеет дело с частным и уникальным. «Вместо повторяемости и всеобщности возникает представление об опыте как единственном в своем роде инсайте, который оставляет неповторимый отпечаток в жизни; необходимость заменяется спонтанностью и непредсказуемостью интуитивного переживания» (Горелов, Горелова, 2014, с. 147). Понимание направлено на постижение экзистенциального опыта переживания значимых для человека событий и ситуаций.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. В опыте и через опыт человек понимает все, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни.

Основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются *переживание* и *опыт*. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем основанного только на познавательном знании. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Подобные проблемы возникают в исследованиях когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека как врага, при анализе принятия или отвержения моральной допустимости аборт, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т. п.

* * *

Итак, мы живем в многомерном мире, состоящем, по крайней мере, из трех реальностей. В каждой из них психологи изучают понимание людьми фактов, событий, ситуаций с позиций различных традиций психологических исследований, в рамках которых понимающий субъект использует неодинаковые способы, основания и типы понимания. Нет сомнения в том, что три описанные выше реальности объективно существуют. Вместе с тем я ясно осознаю, что различие трех реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности в многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленивать, отделить одну от другой.

Трудности возникают, к примеру, при обосновании суждения о том, что метод интерпретации и герменевтический подход надо относить исключительно к социокультурной реальности, игнорируя реальность экзистенциальную. Понимание человеком экзистенциальных событий и ситуаций, разумеется, тоже основано на их интерпретации. Правда, в этой плоскости человеческого бытия интерпретация нередко труднее поддается рефлексивному осознанию и осмыслению. Однако трудность различения реальностей не означает, что его нельзя и не нужно осуществлять. Напротив, на первых ступенях психологического анализа сложных проблем мира человека всегда необходима аналитическая ясность, хотя она и чревата упрощением предмета исследования. Это в полной мере касается соотношения реальностей, их понимания учеными, а также соотношения типов привлекаемых для этого знаний.

1.4. Научные традиции исследования и понимания мира человека

Социальные изменения, происходящие в мире в конце XX – начале XXI вв., оказали существенное влияние на формирование новой методологии социогуманитарных наук. Сегодня она проявляется в самых разных исследованиях: при нарративном подходе (Шмид, 2008), развитии тезаурусного принципа субъектной организация гуманитарного знания (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008, 2013), в антропологической психологии (Залевский, Залевский, Кузьмина, 2009), при описании социальной психологии науки (Юревич, 2001), анализе методологических основ психологии (Корнилова, Смирнов, 2011). По моему мнению, новую методологию характеризуют несколько признаков: осознание учеными того, что мир человека состоит не из фактов, а из событий; переключение внимания многих исследователей со знания на опыт; понимание ключевой роли не истинных, а ценностных описаний большинства ситуаций человеческого бытия. Новую методологию характеризует смена парадигмы «соответствия», основанной на корреспондентной теории истины, на парадигму «социальных изменений», требующую от социологов, философов, историков и т. п. герменевтической интерпретации динамически изменяющегося мира человека. Акцент на динамике изменений особенно характерен для психологических исследований, предметом которых неизменно оказывается процессуальная природа психики человека (Брушлинский, 2006). Например, А. В. Россохин пишет: «Чтобы личность была той же, она должна быть иной. Чтобы сознание было тем же, оно должно быть иным в каждое следующее мгновение еще не наступившего времени. Мы всегда пребываем в измененном состоянии сознания или, следуя предлагаемому мной понятию, – в интерсознании, но для того, чтобы при этом мы сохраняли свою идентичность, мы должны быть теми же. Этот динамический поиск и развитие идентичности в потоке интерсознания и есть жизнь личности в диалоге сознания и бессознательного» (Россохин, 2010, с. 82).

Применительно к социальному миру в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из *объектов*, а из *событий*. Социальная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). При таком взгляде на социальный мир фокус внимания исследователей смещается с описания фактов на анализ событий.

Ключевым в этом контексте становится вопрос о том, как разные взаимодействующие с миром люди конституируют и проявляют свою субъектность, неизбежно сказывающуюся на процессах и результатах его понимания. *Другой* важный вопрос состоит в экспликации общих для социогуманитарных наук традиций и способов понимания мира.

Первый вопрос очень занимал М. Фуко (Фуко, 2014). Главным контекстом, в котором он его изучал, было соотношение человека и истины. Иначе говоря, он понимал его как вопрос о том, каков тот род деятельности, в котором субъект, высказывающий истинные суждения о мире, проявляет себя, представляется самому себе и признается другими говорящим правду. Его главная цель состояла не в том, чтобы проанализировать, какие дискурсивные формы высказываний признаются истинными. Анализ Фуко был направлен на то, как человек конституирует себя сам и признается другими в качестве субъекта, говорящего правду. Синтез заключался в объединении типов веридикции (проверки достоверности, соответствия действительности), техник управления человеческим поведением и практик преобразования себя. Этим трем элементам соответствуют знания, властные отношения как процедуры воздействия на человека и способы конституирования людьми своей субъектности через практики себя. «Проводя такое тройное теоретическое смещение – от темы знания к теме веридикции, от темы господства к теме правления, от темы индивида к теме практик себя, – как мне представля-

ется, и можно изучать отношения между истиной, властью и субъектом, не сводя их друг к другу» (Фуко, 2014, с. 18).

Фуко считал, что начиная с греческой культуры, субъект, говорящий правду, принимает четыре возможные формы: это или пророк, или специалист, или паресиаст, или мудрец. С точки зрения психологии понимания мира человека первая фигура – пророка – мне кажется наименее интересной и даже устаревшей. Пророк говорит не от себя, а от имени кого-то другого (божества, судьбы и т. п.). Пророчества «даны свыше»: они получены в результате откровения или под воздействием особого вдохновения. Пророк высказывается о том, что будет, а не о том, что есть. Его слова могут быть совершенно непонятными, загадочными, таинственными. Наконец пророчества обычно связываются теми, к кому они обращены, со сверхъестественными откровениями и способностями. Все это не предмет моего психологического анализа. Зато три других вида субъектных проявлений говорящих правду людей для меня чрезвычайно важны в силу их очевидной отнесенности к разным типам понимания проанализированных в разделе 1.3 реальностей человеческого бытия.

Начну со специалиста-наставника. Есть профессии (врач, музыкант, сапожник, столяр), в которых специалисты обладают знанием и сноровкой. Эти профессии требуют знаний, которые осуществляются на практике и для своего изучения требуют не только теоретической подготовки, но и упражнения (*askesis*). Профессионалы обладают этим знанием, применяют его и могут преподавать его другим, быть наставниками. Специалист обучает и способен преподавать. Он высказывает истинные суждения о своей профессиональной области, он тот, кто обязан говорить правду (не может же преподаватель университета не учить студентов). Принцип обязанности говорить (кто обладает знанием *tekhne*, кто получил его, должен его и передать) у наставника направлен на установление связи между собой и слушателями. В высказывании истины преемственность связана со знанием, его сохранением в соответствии с традицией. При этом преподаватель в отличие от паресиаста (см. ниже) ничем не рискует, не нужно никакого мужества, чтобы преподавать. Хороший наставник говорит правду о том, что он знает, так, что становится очевидной связь с целой традицией. «Да и сам он, этот человек *tekhne*, ничему не смог бы научиться и не знал бы совсем ничего или слишком мало, не будь до него такого же профессионала (*tekhmites*), как он, который его учил, чьим учеником он был и кто был его наставником. И так же, как он, ничему не научился бы, если бы кто-нибудь не рассказал ему о том, что знали до него, чтобы его знание после него не умерло, ему нужно его передать» (Фуко, 2014, с. 34). Такое знание по большому счету всегда направлено на адекватное отражение эмпирической реальности. Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем ее субъекте, и он ничего не может извлечь из него для собственного преобразования. Этот «познавательное знание» (Фуко, 2007).

Следовательно, цель специалиста-наставника – самому получить достоверное знание о реальности, по возможности полно и точно передать его ученикам, указав при этом не только на некое общее пространство знаний, но и на нормы и правила их использования. Другими словами, он обращается со знанием в соответствии с правилами, сходными с теми, которые мы используем при понимании эмпирической реальности.

Вторая субъектная форма высказывания истины воплощается в фигуре паресиаста. «Ничего не скрывать, говорить правдивые слова – значит практиковать *parresia*. Таким образом, *parresia* значит „говорить все“, но основываясь на истине: говорить всю правду, не утаивать ничего из правды, говорить правду без утайки, какова бы она ни была» (Фуко, 2014, с. 20). Именно таким человеком является паресиаст.

Психологи, особенно занимающиеся адаптацией западных психодиагностических методик, давно знают, что адаптация предполагает не буквальный перевод, например, с английского на русский, а учет культурного контекста. В русской культуре и, соответственно, в языке правдолюб – это «человек, любящий правду, истину, справедливость. Неустрашимый прав-

долюб» (Ожегов, Шведова, 2003, с. 84). Отсутствующее в русском языке слово «паресиаст» в нашей культуре воспринимается как экзотическое, непривычное. Поскольку одним из русских синонимов слова «неустрашимый» является «мужественный», то паресиаста я буду называть мужественным правдолюбом. Такого субъекта отличают от других людей по меньшей мере три характерные черты.

1. Высказывание правды для него – необходимость, внутренняя потребность в истинном, по его глубокому убеждению, описании действительности и тем самым утверждением себя. Он сознательно формирует и выражает свою субъектную сущность посредством правдивых высказываний. Иначе говоря, это осознанная позиция понимающего мир субъекта, «способ существования, отмеченный мужеством, образ действий» (Фуко, 2014, с. 24).

2. Высказывание правды (например, начальнику о категорическом неприятии его манеры поведения по отношению к подчиненным) нередко требует от человека твердости характера и мужества. Мужество предполагает осознание рисков негативных последствий своих поступков (в данном случае – правдивых высказываний) и готовность нести ответственность за них. Следовательно, «*raggesia* можно охарактеризовать как мужество говорить правду, присущее тому, кто, несмотря ни на что, рискует сказать всю правду, а также мужество собеседника, готового принять обидную правду, которую он слышит» (Фуко, 2014, с. 22).

3. Если высказывание истины профессионалом объединяет и связывает, то правдолюб всегда рискует разрушить отношения, сложившиеся у него с тем, к кому он обращается. Он говорит правду не для того, чтобы утвердить позитивную связь общего знания, наследия, преемственности. Мужественный правдолюб «говорит, что есть, но сообразуясь с особенностями людей, ситуаций и обстоятельств. Его специфическая роль состоит не в том, чтобы говорить о бытии природы и вещей. В анализе *raggesia* постоянно обнаруживается эта противоположность между бесполезным знанием, говорящим о бытии вещей и мира, и высказыванием истины паресиастом, которое всегда применяется, оказывается привязано к индивидам и ситуациям, сообщая им о том, что они представляют собой в действительности, говоря людям правду о них самих, скрывающуюся от их глаз, раскрывая их подлинное положение, их характер, изъяны, оценивая их поведение и вероятные последствия принятого ими решения. Паресиаст не открывает своему собеседнику, что есть. Он разоблачает его или помогает признаться в том, что он собой представляет» (там же, с. 28). Зная людей, нетрудно предсказать, что многим это не понравится, и в результате произойдет не объединение, а разрушение межличностных отношений.

Аналогия мужественного правдолюбa с субъектом, понимающим социокультурную реальность, для психолога очевидна. Во-первых, такое понимание строится не на достоверном «познавательном знании», а на мнении. Мнение основано на конкретной гипотезе, субъектной точке зрения на предмет обсуждения, тему разговора. Доказательство субъектом в диалоге своей правоты предполагает последовательность рассуждений, а также аргументированность при обосновании мнения. Вместе с тем всем нам известны случаи дискуссий, чаще всего политических, в которых оппоненты, в отстаивании своей точки зрения могут доходить до крайних суждений, совершенно затеняющих возможную правоту собеседника. Во-вторых, в общении, особенно когда нужно сказать партнеру правду о его взглядах или поведении, которая явно может ему не понравиться, всегда существует риск разрушения отношений или даже применения административных санкций по отношению к говорящему. Понимание и правдолюбие связаны с осознанием возможных рисков в мышлении и общении. В психологии проблема риска при принятии решений (Корнилова, 1997), преобладания мотивов самопонимания или опасения негативной оценки со стороны партнеров по межличностному общению (Franzoi, Davis, Markwiese, 1990) давно находится в фокусе внимания исследователей.

Третья субъектная форма высказывания истины – мудрость. Мудрец не ссылается на безликую общую для всех традицию, а выражает свое мнение. В том, что он говорит, проявляется его способ быть мудрым, т. е. быть личностью, признаваемой мудрецом окружающими людьми. Мудрец говорит о том, что есть, т. е. о бытии мира и вещей. Обычно мудрец хранит свою мудрость в уединении, для него важно хранить ее. Большей частью он молчит, а говорит, лишь когда захочет или когда случается что-то из ряда вон выходящее. «В сущности, мудрец мудр и сам по себе, ему не нужно говорить. Ничто не понуждает его говорить, ничто не обязывает его распространять свою мудрость, учить ей или выказывать ее. Этим объясняется то, что мудрец, так сказать, структурно молчалив. А если и говорит, так только если кто-то обратился к нему с вопросом или если в государстве чрезвычайная ситуация. Этим объясняется и то, что его ответы (это может роднить его с пророком, которого он зачастую имитирует и говорит подобно ему) могут быть совершенно загадочными и оставлять тех, к кому он обращается, в недоумении или в сомнении насчет того, что он имел в виду» (Фуко, 2014, с. 26–27). Непонимание окружающими некоторых высказываний мудреца обусловлено сложностью, неоднозначностью и невербализуемостью проблем, решение которых требует осторожного и мудрого подхода. Такие проблемы принципиально невербализуемы, потому что основаны на неосознаваемом экзистенциальном опыте субъекта. Ассоциации мудреца и его преимущественно тезаурусный способ понимания мира могут быть загадкой для других, неизвестны и темны даже ему самому. Для принятия мудрого решения экзистенциальные проблемы требуют от субъекта понимания, основанного на постижении.

Разумеется, мой обзор форм субъектности человека, говорящего правду, пока очень схематичен: его содержательное соотнесение с типами понимания реальности требует расширения и углубленного анализа. Однако на первом этапе исследования я вынужден этим ограничиться.

Второй важный вопрос состоит в выявлении общих для социогуманитарных наук традиций и способов понимания мира. При его анализе сравнение философских и психологических традиций трактовок обсуждаемого феномена обнаруживает хотя и не тождественность, но явное их сходство. Основания понимания проанализированы и в науке, и в философии. В частности, как отмечает А. П. Огурцов, в различных философских дискурсах понимание используется, во-первых, для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. Во-вторых, пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и вообще постижения смысла культурных формообразований. В-третьих, понимание – это специфический для человека способ бытия в мире, основанный на осознанном или бессознательном выборе одной из возможностей существования. «Этим трем формам интерпретации понимания соответствуют три этапа в трактовке понимания в истории философии – от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через отождествление понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире» (Огурцов, 2001, с. 279).

В психологии выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов исследований – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания соответствуют трем сферам человеческого бытия и традициям исследования психики субъекта – когнитивной, герменевтической и экзистенциальной. О типе понимания в психологическом исследовании можно судить по оценкам истинности, правильности или правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях (Знаков, 2014).

В последние десятилетия в науке три описанных традиции воплотились в развитие двух главных направлений исследований понимания – гносеологического и онтологического. Раз-

личение этих двух аспектов изучаемого предмета важно для многих наук. Например, социолог В. А. Ядов так пишет о фактах: «Факты можно рассматривать в онтологическом (не зависящем от сознания) и логико-гносеологическом планах. *В онтологическом смысле факты суть любые не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события. В логико-гносеологическом плане фактами называют обоснованное знание, которое получено путем описания отдельных фрагментов реальной действительности в некотором строго определенном пространственно-временном интервале.* Это элементарные компоненты системы знания» (Ядов, 2007, с. 34). В психологии очень показательными в этом отношении являются проведенные в последние годы исследования онтологии психических состояний и гносеологии образов психических состояний (Артищева, 2014; Прохоров, 2013). Образ психического состояния является составляющей не достоверного знания, а единицей индивидуального опыта. Такой образ характеризуется отсутствием предметности, неразрывной связью с переживаниями, отсутствием яркости. Образы различных психических состояний являются результатами отражения накопленного опыта переживания состояний, которые возникали у человека в разных обстоятельствах и ситуациях. Изоморфные состояниям образы фиксируются в памяти и становятся структурными элементами индивидуального опыта переживания состояний. При этом конкретный образ психического состояния может стать подлинным образом мира только при условии наличия у субъекта рефлексии, сопоставления с другими отражаемыми и порождаемыми событиями и ситуациями. Рефлексия образа способствует осознанию психического состояния. Образ сам не только включает в себя опыт, но и способствует формированию его целостной структуры. Внутри структуры опыта образ психического состояния обуславливает обратную связь, регулирует протекание, изменение состояний и поведенческие реакции человека. Образы, на которые человек обращает свой внутренний взор, которые пытается рефлексировать, уже изначально включают в себя переживания и вместе с тем порождают новые эмоции и чувства. Образы психических состояний оказываются соединительными звеньями между недостаточно осознаваемыми эмоциональными реакциями, переживаниями субъекта и отрефлексированными знаниями, с помощью которых он познает мир. Именно посредством образов субъект получает возможность проникать в хранилища опыта, недоступные понятийному познанию. Следовательно, образы – это не только единицы индивидуального опыта, но и внутренние факторы, влияющие на становление и развитие его структуры (Прохоров, 2013).

В этом научном контексте очевидно, что гносеологический и онтологический анализ понимания чрезвычайно важен для психологических исследований обсуждаемого феномена.

Первое направление исследований понимания – *гносеологическое* — непротиворечиво вписывается в субъект-объектную познавательную схему. Потребность в понимании ведет к познанию. В психологии это направление исследований приводит к построению когнитивных моделей понимания. В более общем историко-философском контексте анализа проблемы ученые связывают феномен понимания с типами рациональных научных рассуждений и понятием рассудка.

Для психологии человеческого бытия аксиомой является гносеологическая направленность понимающего субъекта на объект понимания, а не эпистемологическая характеристика знания о понимаемом. Для гносеологического подхода важнейшей является категориальная оппозиция «субъект – объект» (см. раздел 2.1.1). С позиций гносеологической парадигмы познавательные процессы изучаются как отношение субъекта (в частности, ученого) к объекту познания (предмету исследования). В эпистемологическом подходе во главу угла ставится знание: его строение, структура, функционирование и развитие. При этом базовой оказывается оппозиция «объект – знание». С эпистемологической точки зрения наука должна изучать объективные структуры знания, а не гносеологического субъекта, осуществляющего познание и нередко вносящего в его результаты искажения, ошибки и субъективизм. Учитывая указанные

различия, вполне естественно, что в психологии человеческого бытия и психологии понимания «человек понимающий» рассматривается именно как гносеологический субъект.

Второе направление исследований – *онтологическое*. Это субъект-субъектный экзистенциальный подход. Его парадоксальность заключается в том, что в ситуациях человеческого бытия люди нередко утрачивают свою субъектную сущность, становясь на время объектами (познания, отношения и т. п.) не только для других, но и для самих себя. В русской философии, в работах А. С. Хомякова, С. Л. Франка, Г. Г. Шпета, этот угол зрения на феномен понимания соответствует не рассудку, а разуму.

В работах отечественных психологов (А. В. Брушлинского, О. К. Тихомирова и др.) утверждается, что любое мышление всегда начинается и завершается пониманием. Вернее, мышление зарождается из проблемной ситуации, основанной на непонимании, затем реализуется в формулировании и решении мыслительной задачи, а завершается пониманием ее результатов. Мышление в целом направлено на получение человеком новых знаний, а та его сторона, которую мы называем пониманием, представляет собой процедуры постижения или порождения смысла знания, полученного в мыслительной деятельности. Эмпирические исследования, проведенные в школе О. К. Тихомирова, убедительно показали, что в когнитивном плане понимание не только можно, но и нужно рассматривать как процесс и результат решения мыслительной задачи. Именно во время решения возникают и развиваются процессы смыслообразования.

С. Л. Рубинштейн, а за ним и А. В. Брушлинский считали, что субъект познает объект, как бы вычерпывая его содержание при взаимодействии с ним. Сходная, но не тождественная точка зрения была у герменевтиков, в частности у Ф. Шлейермахера. В герменевтике понимание первоначально рассматривалось как способ выявления, экспликации того, что уже предзадано, заложено в тексте. Процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации реконструировали изначальный замысел автора. После публикации работ В. Дильтея, М. Вебера и А. Шютца произошла универсализация процедур понимания, которые стали рассматриваться как основа познания, особенно в области социальных наук. Распространенной стала точка зрения, согласно которой в процессе понимания происходит продуцирование новых знаний. Это следствие трактовки понимания как интерпретации: объясняя знания на одном уровне, понимающий субъект подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне. В результате переинтерпретация становится основой для объяснения понимаемого.

Второе направление исследований понимания возникло значительно позднее первого. В его рамках понимание рассматривается не как познавательная процедура психики индивидуального субъекта, а гораздо шире. Понимание перестало трактоваться только как интерпретация, осуществляемая субъектом. В этом направлении оно связывается с экзистенцией, человеческим бытием и приобретает уже не гносеологический, а онтологический статус. Онтологизация представлена в философии М. Хайдеггера и Г. Г. Гадамера. Они начали описывать понимание как такое специфическое отношение к действительности, в котором человек выступает понимающим себя бытием.

Онтологический статус понимания первоначально был закреплен в герменевтике, представители которой настаивают на изначальной герменевтичности человеческого существования. По их мнению, способность к пониманию предшествует любым процедурам приписывания значений. В их рассуждениях акцент смещается со смыслов, а понимание наделяется деятельностно-коммуникативной природой. Это означает, что понимание начинает трактоваться как умение действовать соответственно социокультурному контексту. Действия требуют от понимающего субъекта владения нормами культуры. Именно понимание создает смыслы: они не понимаются, а порождаются в конкретных ситуациях. Следовательно, понимается не смысл или текст, а ситуация, в которой находится понимающий человек. Практи-

ческая ситуация из предмета изучения исследователя превращается в единицу макроанализа психического. Таким образом, понимание как проблема практического отношения и практического разума способствует, прежде всего, онтологическому самоопределению субъекта и только потом, как бы во вторую очередь, гносеологическому.

В условиях плюрализма, неизбежного многообразия интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций человеческого бытия в психологической науке особенно остро встает вопрос об онтологических основаниях психики. В академической психологии традиционно большое значение придается гносеологическому субъект-объектному подходу к исследованию природы и общества, традиция которого восходит к Декарту. Сегодня одна из острейших методологических проблем психологии заключается в том, что, несмотря на объективную необходимость в исследовании единства внешних и внутренних условий отражения и порождения субъектом целостных ситуаций человеческого бытия, она преимущественно продолжает оставаться гносеологической, иногда совсем утрачивая свой онтологический статус. В частности, «подавляющее большинство исследований восприятия выполняются в русле гносеологической парадигмы» (Барабанчиков, 2006, с. 42). В психологии «и исторически, и логически онтологические проблемы заслоняются гносеологическими, выступая как фон» (там же, с. 43). Парадоксальность такого положения дел очевидна для каждого ученого, знающего об эволюции научного познания в XX в.: о переходе от классической парадигмы к неклассической, а затем постнеклассической (Степин, 2000).

В современной научной картине мира исследователь перестает быть всезнающим и беспристрастным наблюдателем, но вместе с тем исчезает и так называемая «объективная реальность». Размышления об онтологических характеристиках субъекта как предмета изучения в психологии человеческого бытия приводят к выводу о двух главных сферах применения категории «онтология». Одна сфера соответствует аналитическому вычленению и описанию онтологических характеристик самого субъекта, другая – онтологии социального мира, в котором человек живет, преобразует его и проявляет свои субъектные качества.

В психологических исследованиях онтологические качества субъекта, свидетельствующие о его реальном существовании, обычно представлены в описаниях конкретных психологических характеристик. Субъект рассматривается как человек не только познающий, воспринимающий, страдающий, но и предписывающий законы существования социальному миру. Исследования онтологии субъекта как выявления тех психологических качеств, которые ему присущи, являются сегодня не только распространенными, но и достаточно очевидными (см., например: Субъект, личность..., 2005). Однако очевидность пропадает, как только мы пытаемся взглянуть на субъекта изнутри, с позиций самих ситуаций человеческого бытия. При этом возникает парадоксальное противоречие во взаимодействии внутренних и внешних условий формирования субъектности человека.

Согласно экзистенциальной традиции, ясно выраженной М. Хайдеггером, «основополагающая установка Нового времени характеризуется превращением человека в „субъекта“, для которого мир становится совокупностью „объектов“, т. е. просто предметов, действительных или возможных, и этими предметами владеют и пользуются, их потребляют, отвергают или уничтожают. Человек как бы распрямляет спину, он больше не ощущает себя впущенным в мир, но воспринимает этот мир „как нечто противостоящее“» (цит. по: Сафрански, 2002, с. 394). Позиция Хайдеггера выражает типичное для экзистенциальной философии различие «бытия» и «существования». По мнению экзистенциалистов, «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «существование» – к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения – подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится

возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни.

Это противоречие не только снимается, но даже и не возникает в субъектно-деятельностной концепции одного из создателей психологии человеческого бытия С. Л. Рубинштейна. Онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что «вопрос о существовании внешнего мира и вопрос о существовании других людей (и отношений к ним) должны быть сплетены в своей исходной постановке, вскрывающей мир и других людей как предпосылку существования, подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект – это бытие, включающее и субъекта. Сущее как предметный мир, включенный в практическую деятельность людей, соотносится с ней в своих качественных определениях. Отсюда неправомерно сведение бытия как объекта только к объективной реальности, вещиности, наличности, данности» (Рубинштейн, 1997, с. 64–65).

Бытие включает в себя реально существующего субъекта. Субъект жизни и сам может быть познан и, значит, стать объектом познания. По Рубинштейну, в онтологическом плане проблема бытия субъекта и его отношения к материальному объективному бытию встает перед учеными в новом качестве как проблема бытия и сознания. Более сложным в психологической науке является анализ онтологии социального мира. Выявление онтологических характеристик мира, в котором живет современный человек, нередко представляет для психологов немалые трудности.

Во-первых, это происходит вследствие взаимовлияния и неоднозначного взаимодействия процессов отражения субъектом действительности и порождения им новых реальностей. В соответствии со своими репрезентациями и моделями субъект понимает мир. Подлинное предназначение понимания заключается в проникновении сквозь отражение и порождение – открытии того, что действительно существует в психике субъекта. По Рубинштейну, взаимодействие субъекта и объекта реализуется во встречном движении: мира, который показывается субъекту, обнаруживается, «дает себя отражать»; и целеустремленной направленности человека, овладевающего миром и преобразующего его. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает не только события, факты, фрагменты жизни, но и, например, целые города. Вот как говорит об этом писатель А. Кабаков: «Вероятно, таких, как я, в мире много: мой Нью-Йорк создан фильмами Вуди Аллена. Этот великий поэт великого города выдумал его, как Гоголь и Достоевский выдумали Петербург, как Булгаков – Москву, а Хемингуэй – Париж...» (Кабаков, 2006, с. 1).

Во-вторых, онтология социального мира подвержена влиянию техногенной среды, особенно компьютерных технологий и массмедиа. В частности, как точно подметил В. А. Шкуратов, цитирующий актера и режиссера С. Бодрова, современный терроризм в значительной степени порожден тем, что люди видят в кино и на телеэкранах: как захватывать самолеты, как обрушивать башни. «Эти восемнадцать минут между первым и вторым самолетами, которые врезались в башни Торгового центра, они же неслучайны. Все точно рассчитано: чтобы успели подъехать телекамеры! Террористы, по сути, снимали свой фильм, который должен мир запугать, а телевидение просто оказывало им техническую поддержку. Не будь телевидения, все на свете превращающего в зрелище и сенсацию, терроризм не мог бы возникнуть, он был бы бессмысленным» (Шкуратов, 2002, с. 15). В психике субъекта происходит тесное переплетение реальных событий с представлениями о том, какими они могут и должны быть. Иногда первые настолько противоречат вторым, что разум отказывается верить в воспринимаемое.

Итак, онтология социального мира, в котором человек живет, определяется процессами как отражения существующего, так и порождения нового. Следовательно, онтология

мира человека – это не только независимая от людей объективная действительность, но и совокупность образов, представлений, символов, присущих ситуациям человеческого бытия. Осмысление бытия, интерпретация понимающим субъектом символов, знаков и т. п., с одной стороны, побуждают его фокусировать внимание на фундаментальных общих основах человеческой жизни, при этом осознавая себя как представителя рода человеческого. С другой стороны, понимание невозможно без обращения субъекта к индивидуальному – к исследованию своего личностного знания, установок, мировоззрения, вообще внутреннего мира.

Общенаучные и психологические характеристики субъектов понимания, этапов, традиций исследования, способов, оснований, форм, типов, гносеологии и онтологии понимания в сжатом виде представлены в таблице.

Таблица 1. Понимание субъектом реальностей мира человека

Теоретические основания понимания	Три реальности мира человека		
	<i>Эмпирическая</i>	<i>Социо-культурная</i>	<i>Экзистенциальная</i>
<i>Субъект понимания (по М. Фуко)</i>	Специалист-наставник	Мужественный правдолюб	Мудрец
<i>Формы и этапы интерпретации понимания в философии (по А.П. Огурцову)</i>	Понимание как познавательная способность: деятельность рассудка, противопоставляемого разуму	Понимание как процедура герменевтического истолкования	Понимание как способ бытия человека в мире: выбор одной из возможностей существования
<i>Традиция психологических исследований</i>	Когнитивная	Герменевтическая	Экзистенциальная
<i>Способ понимания мира</i>	Парадигматический	Нарративный	Тезаурусный
<i>Основания понимания</i>	Знание и значение	Мнение и смысл	Переживание и опыт
<i>Форма понимания</i>	Понимание-узнавание	Понимание-гипотеза	Понимание-объединение
<i>Тип понимания</i>	Понимание-знание	Понимание-интерпретация	Понимание-постижение

Обобщенные представления о понимании субъектом мира представлены в таблице, однако сам вопрос о правомерности отраженного в ней дизъюнктивного разделения мира человека на три реальности пока остается спорным не только для моих коллег, но и для меня самого. Классификационная ясность и абстрактно-аналитическая научная полезность определения отличительных признаков реальностей на первых этапах создания обобщенной модели понимания несомненны. Однако развернутый ответ на указанный вопрос, безусловно, требует более глубокого психологического анализа субъектных оснований того, почему люди, исходя из своих знаний, индивидуальных точек зрения, личностных качеств, бессознательных установок и т. п., понимают реальности именно как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Вместе с тем нужно исследовать и закономерности соотношения анализа и синтеза мышления понимающего мир субъекта, преобладания у него аналитического или холистического стиля мировоззрения. Это позволит лучше понять психологические основания различения реальностей. В этой связи я считаю необходимым приступить к развитию нового

субъектно-аналитического подхода к психологическому исследованию понимания мира. Такой подход направлен, прежде всего, на получение ответов на два главных вопроса: 1) Как человек понимает мнимые, пограничные, промежуточные реальности, которые однозначно нельзя характеризовать ни как эмпирическую, ни как социокультурную, ни как экзистенциальную? 2) Можно ли применительно к каким-то случаям утверждать, что понимание реальности определяет свойства самой реальности? Иначе говоря, в какой степени реальность зависит от сознания понимающего мир субъекта? Первые шаги в направлении развития субъектно-аналитического подхода сделаны в следующем разделе монографии.

1.5. Субъектно-аналитический подход к психологическому исследованию понимания мира

Понимание – один из важнейших психологических феноменов, пронизывающий все уровни человеческого бытия. Понимание направлено на порождение смысла явлений, событий, ситуаций во всех трех реальностях, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. В психологии им соответствуют три традиции исследований – когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. В каждой традиции психологи имеют дело с пониманием, неодинаковым по психологическим механизмам и основаниям.

В современном обществе коммуникация является продуктивной тогда, когда ее участники понимают друг друга. В общении предмет понимания, обсуждаемая тема обычно проявляется в *двух* основных типах высказываний. Одни описывают предметный мир, и каждому утверждению соответствует какое-то его объективное качество: у высказываний есть референты, денотаты. Это те случаи, когда мы говорим об *эмпирической реальности* и у нас есть процедуры проверки истинности высказываний. В этой реальности мы имеем дело с объективным знанием. Объективное знание проявляется в истинных суждениях, которые соответствуют какому-то качеству реальности (например, кит больше слона). В *социокультурной реальности* нет качеств, явно соответствующих внешней действительности. Ну, какие могут быть референты у печали или вдохновения? У нас есть только репрезентации этих понятий и, соответственно, психологических феноменов. Причем, неодинаковые, связанные со структурой личностного знания каждого человека. Репрезентации проявляются во мнениях и интерпретациях. А истинность мнений невозможно оценить, можно говорить только об их правильности или неправильности с позиций разных групп людей. Например, можно ли утверждать, что высказывание «Лучше быть здоровым, чем богатым» является истинным? Одни люди соглашались с этим, другие – нет. Так же нет объектных референтов и в *экзистенциальной реальности*. Ключевыми психологическими феноменами в ней являются опыт, переживание, бессознательное, постижение.

Цель раздела – проанализировать основные положения субъектно-аналитического подхода, с помощью которого можно доказать правомерность различения трех реальностей мира человека и обосновать причины неодинаковости их понимания.

Субъектно-аналитический подход в психологии познания и понимания. В методологии современной психологии одним из интересных и, безусловно, перспективных является культурно-аналитический подход к исследованию эволюции психологического знания и междисциплинарных связей психологической науки (Гусельцева, 2009, 2015). Именно с применением этого подхода ставится и в значительной мере решается задача определения специфики аналитического метода в психологических исследованиях. Постановка проблемы определения содержания и сути аналитического метода в психологических исследованиях, конечно же, актуальна применительно к попыткам ответа на вопрос: какие психологические механизмы и ресурсы субъекта включены в процессы различения в едином мире человека трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной? Неразрывно связанным с этим является вопрос и о роли в этом различении характера активности самого понимающего мир субъекта: ее направленности и специфики. Ответить на эти вопросы и должен субъектно-аналитический подход. По объему и содержанию этого понятия он уже междисциплинарного культурно-аналитического (Гусельцева, 2009, 2015). Субъектно-аналитический подход хотя и не исключает обращение психолога к данным других наук, но все-таки ориентирован преимущественно на исследование понимания как психологической проблемы, описанной в психологической литературе. Сочетание в названии подхода двух понятий означает, что и субъектная

составляющая, и аналитическая играют важную роль в определении оснований, по которым различаются и понимаются три реальности мира человека.

Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода включает три компонента.

1. Субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания, формирующихся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития. В частности, «внутренними условиями взаимопонимания в психологическом консультировании являются: открытость пониманию (диалогическая интенция), открытость изменениям (интенция изменений) и открытость отношениям с собеседником (отношенческая интенция)» (Арпентьева, 2015, с. 6–7). Внутренними условиями психики понимающего мир субъекта оказываются также знания, они в значительной мере определяют индивидуальную специфику его взгляда на реальность, интерпретативную схему понимания, основанную на системе фреймов (Гофман, 2003).

Субъектность, внутренние условия понимания как линзы, направляющие фокус внимания понимающего субъекта, проявляются в специфике интерпретации, приписывания событиям, явлениям и т. п. статуса фактов. Простая констатация существования объектов, явлений, событий, полученных в исследовании результатов, не означает признания их фактами. В науке фактами называют только те результаты, которые теоретически осмыслены и так соотносены с другими данными, что становится очевидным существенное отличие одних от других. Любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. В частности, А. Ф. Лосев полагал, что история как наука – это только понятые факты: «Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личностного бытия)» (Лосев, 1991, с. 129). В психологии к фактам обычно относят такой вид знания, в котором фиксируются воспроизводимые феномены и явления, постоянно проявляющиеся при определенных обстоятельствах. «Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности. Например, тот факт, что объем непосредственной памяти равен 7 ± 2 элемента, во-первых, обладает достаточной воспроизводимостью – в рамках обозначенного диапазона, во-вторых, важен для психологической науки и практики, имея большое значение как для предсказания возможностей человека, так и для познания механизмов непосредственной памяти» (Юревич, 2010, с. 27).

Фактов нет вне дискурса, схемы понимания мира. Однако схемы понимания различны в социокультурной и экзистенциальной реальностях, в которых ученые имеют дело с мыслями, поступками людей, и в эмпирической, применительно к которой анализируются закономерности, выражающие повторяющиеся явления и события. В первых двух факты всегда явным или неявным образом включают указание на цели поступков людей и их причины (исторический факт заключается не только в знании, что Цезарь перешел Рубикон, но и в понимании того, почему и зачем он это сделал). При изучении закономерностей понимания людьми эмпирической реальности психологи называют фактами только такие объекты, явления, события, суждения о которых либо верифицируемы, допускают опытную проверку, либо основаны на общем для множества людей объективном знании. Факты есть не только в природном, но и в социальном мире. Суждения « $2 + 2 = 4$ » или «Расстояние от Калининграда до Хабаровска больше пяти тысяч км» истинны, это общеизвестные факты. Такие суждения зависели от способов познания тогда, когда любой человек их впервые слышал и осмысливал. Потом они стали объективными: такие истинные суждения одинаково понятны всем людям.

Другими свойствами обладают суждения, в основании которых лежит здравый смысл. В частности, суждения, вытекающие главным образом из наблюдений, истинность которых не проверена, могут быть составной частью тезауруса обыденного знания человека, но они никогда не станут научным знанием и, соответственно, фактом. В юмористической форме, но очень точно это отражено в анекдоте. Две блондинки стоят на Красной площади и смотрят на Луну. Одна задумчиво спрашивает: «Как ты думаешь, что дальше – Луна или Монако?» Вторая отвечает: «Ну, ты меня удивляешь! Ты Монако отсюда видишь?» Визуальное отсутствие Монако порождает иллюзию, что расстояние до Луны меньше, чем до названного маленького государства. При анализе этого случая ученый имеет дело с тем, что М. Феррарис называет преобладанием онтологии над эпистемологией. Не интерпретированная «реальность», будучи необъяснимой и неисправимой, представляет собой отрицательную крайность знания. Тем не менее это также положительная крайность бытия, ведь это то, что дается, то, что упорствует и сопротивляется интерпретации и вместе с тем делает ее истинной, отличая ее от воображения или от *wishful thinking*» (Феррарис, 2014, с. 151).

Научные факты не исключают, а, наоборот, включают в себя субъектные составляющие, являющиеся внутренними условиями понимания. Если я говорю о фактах, то моя субъектность проявляется в уверенности в их истинности: я убежден, что кит больше слона. Я также верю в то, что мои собеседники тоже не сомневаются в истинности этого утверждения. И это дает нам возможность понимать друг друга: в этом случае объективность и истинность знания являются общим базисом, гарантией одинакового понимания высказывания всеми общающимися людьми.

2. Вторая составляющая – гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта. Они включают указания на то, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между субъектом и объектом. Разрабатывая психологию субъекта, А. В. Брушлинский опирался на положение, что познавательное отношение субъекта к внешнему миру есть основное гносеологическое отношение. Он стремился раскрыть гносеологические и онтологические основания психики и анализировал ее недизъюнктивную природу. Трудности аналитического различения гносеологии и онтологии психического в психологическом эксперименте всегда упираются в онтологическую неотделимость любого психического процесса от его результата, потому что любой из продуктов (мыслительного поиска, распределения внимания и т. п.) реально существует только в породившем и использующем его процессе. Основываясь на теории психического как процесса, он считал, что с помощью мыслительного механизма анализа через синтез можно гносеологически и психологически расчленять недизъюнктивные объекты, неразделимые в онтологическом плане (Брушлинский, 2003). Тем не менее следует признать, что в психологии субъекта были только намечены направления, в которых должны проводиться исследования различения гносеологических и онтологических оснований научного анализа субъектности человека.

В XX в. внутриспсихологические проблемы трудностей установления границ между субъектом и объектом определялись и более общей ситуацией, сложившейся в социогуманитарном познании. Тогда наблюдалась культурно-историческая эволюция интерпретации разнообразных описаний мира. Она заключалась в постепенном смещении фокуса внимания ученых с анализа точки зрения субъекта-автора к исследованию знаний о мире субъекта-реципиента, на основе которых он выстраивает свою интерпретацию описанной ситуации. Эволюция соответствовала диалектике развития социогуманитарного познания: на смену монологической направленности ученых на анализ субъект-объектных взаимодействий пришли размышления о размытости границ между субъектом и объектом во многих ситуациях человеческого бытия. Неизбежным следствием этого стала неразличимость авторской позиции в семантическом пространстве мира человека. Неудивительно, что в XX в. известными и широко распространенными стали метафорические высказывания Р. Барта, М. Фуко и других замечательных

мыслителей о смерти автора, смерти субъекта. Большой резонанс этих высказываний в среде интеллигенции можно объяснить с двух точек зрения.

Во-первых, это смещение акцента с традиционного для структурного психоанализа и психологии художественного восприятия изучения решающей роли автора в понимании написанного. Типичными авторскими текстами я бы назвал всю русскую классику – Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. Понимание их рассказов, повестей, романов фактически сводилось к такой читательской интерпретации, которая была направлена на выявление авторского замысла. Сегодня мы вынуждены отказаться от иллюзии, что смысл сказанного субъектом исчерпывается тем, что он сказал. Законченное стихотворение, написанная книга или диссертация отчуждаются от автора и включаются во множество социальных и культурных контекстов. Жесткую соотнесенность значения с конкретным объектом заменяет неисчерпаемость множества возможных культурных интерпретаций. Вспомним у Шекспира: «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет...» Однако в современной культуре роза – это и красота, и радость, и любовь, и женственность, и гармония мироздания. Выбирая те или иные значения, мы указываем на свою принадлежность к определенной культурной традиции. Тем самым мы присоединяемся к одной из культурных интерпретаций, *утрачивая* индивидуальность. Как нередко говорят герои боевиков, «ничего личного», т. е. субъективного. Следовательно, как в общении, так и при чтении происходит восстановление в правах нового субъекта – не автора, а слушателя и читателя.

Во-вторых, в человеческом бытии есть немало событий и ситуаций с размытыми границами между субъектом и объектом. Р. Барт приводит фразу из новеллы О. Бальзака: «То была истинная женщина, со всеми ее внезапными страхами, необъяснимыми причудами, инстинктивными тревогами, беспричинными дерзостями, задорными выходками и пленительной тонкостью чувств» (Барт, 1989, с. 384). И Барт ставит правильный вопрос: как определить, *кто* это говорит? Бальзак-человек, рассуждающий о женщине на основании своего личного опыта? Или Бальзак-писатель, исповедующий «литературные» представления о женской натуре? Или же это общечеловеческая мудрость? А может быть, романтическая психология? Узнать это нам никогда не удастся по той причине, что в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Отчужденный текст – это уже та область неопределенности, в которой *теряются следы субъективности автора*, исчезает самотождественность пишущего. Зато смысловые акценты интерпретации и ответственность за нее смещаются на другого субъекта – читателя.

Однако, безусловно, глубокие и содержательные рассуждения названных мыслителей лишь подчеркивают метафоричность выражения «смерть субъекта». В контексте психологии человеческого бытия, не тождественного индивидуальному жизненному пути, такие рассуждения по-новому ставят старую проблему диалогичности бытия и сознания: нельзя ограничиваться анализом одного субъекта-автора, нужно учитывать и субъекта-читателя. Именно субъект, говорящий или слушающий, пишущий или читающий, интерпретирует те ситуации, о которых говорится или пишется. А интерпретация становится основой понимания событий и ситуаций человеческого бытия. Интерпретация – это всегда один из возможных *способов* понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, т. е. рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстах, социальных ситуациях оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, а также зависимой и независимой самоинтерпретации партнеров по общению (Grace, Cramer, 2003; Singelis, 1994).

Проблема определения объективных и субъективных оснований различения реальностей, безусловно, включена в описанный выше более широкий контекст развития социогуманитарного познания. Эта проблема оказывается важнейшей при изучении факторов, влияющих

на аналитическое расчленение мира человека на три реальности. Субъектно-аналитический подход к исследованию психологии понимания как раз и направлен на то, чтобы сделать явными те психологические основания, на которых базируются классификации реальностей, явного описания признаков каждой из них. Три описанные выше реальности, конечно же, объективно существуют. Вместе с тем ясно и то, что различие реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности недизъюнктивны не только мыслительные процессы субъекта, но и сам мир человека является скорее целостным и непрерывным, чем дискретным. В многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленить, отделить одну от другой. В эксперименте психологу часто очень трудно уловить ту грань, границу между реальностями, которая существует во внутреннем мире испытуемого. Это ясно проявляется, например, при психологическом анализе роли телесного опыта в структуре индивидуального знания. В этом случае важной проблемой оказывается выявление границ субъектности: различие физической и духовной природы человека. Необходимым условием выделения себя как субъекта своей жизни и деятельности является ментализация границы Я, отделение телесной оболочки от духовной сущности. Возникающая в психике субъекта граница между Я и не-Я знаменует собой не только отделение физического Я от иного, но и различие Я как активного субъекта социальных взаимодействий от Меня как объекта воздействия со стороны других людей. Как показывают психологические эксперименты, определение границы требует от людей усилий, психического напряжения (Ребеко, 2015).

Точное описание сложной диалектики взаимопереходов, границ между реальностями можно найти в романе Х. Мураками: «Есть реальность, которая подтверждает реальность происходящего. Дело в том, что наша память и ощущения несовершенны и односторонни. До какой степени реально то, что мы считаем реальным? Где начинается „реальность, которую мы считаем реальностью“? Определить эту границу во многих случаях невозможно. И чтобы представить нашу реальность как подлинную, требуется другая, скажем так, – пограничная реальность, которая соединяется с настоящей. Но этой пограничной реальности тоже нужно основание для соотнесения с настоящей реальностью, а именно – еще одна реальность, доказывающая, что эта реальность – реальность. В сознании складывается такая бесконечная цепочка, и, без преувеличения, в каком-то смысле благодаря ей и существует человек. Но бывает, эта цепь в каком-то месте рвется, и в тот же миг человек перестает понимать, где же реальность настоящая. Та, что на том конце оборванной цепи, или та, что на этом?» (Мураками, 2015, с. 267).

То, что Х. Мураками называет «пограничной реальностью», в социогуманитарных исследованиях соответствует «мнимому». Проблема необходимости анализа мнимого, обладающего чертами и реального, и нереального, ставится в статье Т. А. Догадиной (Догадина, 2010). Обсуждая пограничный онтологический статус некоторых политических образований (суверенные республики Абхазия и Южная Осетия, признанные как независимые только Россией и Никарагуа; Турецкая Республика Северного Кипра; в одностороннем порядке провозглашенное независимым Косово и др.), автор отмечает, что в мире человека понятие «мнимое» применимо к весьма разным сторонам нашей жизни. «Примером может служить феномен клинической (мнимой) смерти или мнимой болезни, в биологии – состояние анабиоза, в физике – понятие мнимого времени, в юриспруденции – мнимая сделка, в социологии – мнимые или номинальные общности и т. д. В геометрии и астрономии проблема пограничного состояния объектов и пространств отразилась в концепции комплексных чисел и мнимых величин» (Догадина, 2010, с. 295). Мнимое нельзя свести не только к реальному, но и к нереальному. Нереальное – то, что характеризуется как несуществующее или не могущее существовать (русалка, кентавр и т. п.), а мнимое – это то, что реально существует, но не проявляет своей

принадлежности к реальному. «Понятие „мнимое“ в политической действительности отражает суть политических объектов и субъектов, характеризующихся неполнотой своего существования, когда, будучи субстанционально реальным, объект или субъект не проявляет своих реальных свойств и качеств до наступления определенных условий в политическом процессе» (там же, с. 296). К таким политическим субъектам, к примеру, можно отнести Приднестровскую Молдавскую Республику.

Проблема определения того, что и по каким основаниям человек считает реальным, а что мнимым или нереальным, чрезвычайно важна для психологической науки. Р. Гвин в статье «Реально нереальное: нарративная оценка и объективация опыта» (Gwyn, 2000) обсуждает ее на примере интервью с людьми, пережившими близость собственной смерти или смерти близких, т. е. тех, кто страдал от хронических заболеваний или заботился о тяжело больных членах семьи. Он обнаружил, что любая оценка, сделанная другим человеком во время описания событий, имеет тенденцию обеспечивать «подлинность» оценки самого говорящего, увеличивать доверие к его рассказу. Имели ли реально место данные события или нет – вторично по отношению к пониманию их дискурсивной силы, отраженной в оценке. В конце статьи автор ставит вопрос и пытается ответить на него: что означает выражение «реально нереальное» в данном контексте? Можно ли его расценить как отрицание опыта, встроенного в границы реальной действительности? Если действительность «нереальна» в определенные моменты времени, то, вероятно, это потому, что некоторые виды человеческого опыта выходят за пределы обычной реальной действительности. Эта «нереальная» действительность для психолога погранична: она обладает свойствами социокультурной и экзистенциальной реальностей и находится между ними.

Как пограничные между социокультурной и экзистенциальной реальностями следует рассматривать ситуации человеческого бытия, связанные с эвтаназией (подробнее о психологических исследованиях понимания эвтаназии см. раздел 3.6.4.). В уголовно-правовом смысле эвтаназией считается умышленное причинение смерти неизлечимому больному, осуществленное только в том случае, если оно произведено медицинским работником или иным лицом по его просьбе, а также по мотиву сострадания к нему и с целью избавления человека его от невыносимых страданий (Капинус, 2006). В психологическом смысле ключевым является понимание и толкование выражения «по его просьбе», потому что основанием поступка (просьбы об эвтаназии) могут служить и разные причины, и разная выраженность осознания больным степени безысходности состояния своего здоровья. Во время неизлечимой болезни экзистенциальная ситуация человеческого бытия претерпевает значительные изменения. Трудно требовать от человека, достигшего терминальной стадии заболевания, логически непротиворечивых рациональных рассуждений. Как известно из теории управления страхом (Greenberg et al., 2000), мысли о неизбежном конце своей жизни запускают в действие двойной механизм защиты от мыслей, связанных со смертью: периферическую (отдаленную) защиту и проксимальную (ближайшую). Мысли о смерти могут отодвинуть на задний план сознания логику и актуализировать экзистенциальные страхи. В такой экзистенциальной ситуации принятие решения об эвтаназии становится неустойчивым, колеблющимся. Учитывая это, трудно не согласиться с О. Е. Летовым, который считает, что «следует проводить четкое различие между желанием эвтаназии, с одной стороны, и ее осознанным требованием – с другой» (Летов, 2009, с. 239).

В биоэтике и медицине можно найти также примеры неустойчивости границ между наполненной значениями и смыслами социокультурной реальностью и эмпирической, включающей познавательные знания, в частности, о биологических основаниях жизни человека. «Успехи в области медицины все более затрудняют определение границ между жизнью и смертью, между необратимой и обратимой комой. Ввиду этого в пространстве помощи больным возникают пограничные ситуации. Во многих случаях техника реанимации обрекает

некоторых больных скорее на продление агонии, чем продление жизни. Уже не раз отмечалось, что развитие технологий делает бессмысленным различие между естественным и искусственно поддерживаемым сердцебиением, между естественным и искусственно поддерживаемым дыханием» (Семенков, 2015, с. 126). Например, как известно, пациентам, у которых сердце бьется недостаточно часто или имеется электрофизиологическое разобщение между предсердиями и желудочками, врачи вставляют электрокардиостимуляторы. Можно ли в таких случаях сказать, что их сердца сокращаются, пульсируют в силу естественных, природных или искусственных причин? Трудный вопрос, ответ на который не может быть однозначным. Ведь кардиостимулятор – это медицинский прибор, предназначенный для воздействия на ритм сердца, его основной задачей является не только поддержание, но и навязывание частоты сердечных сокращений. Осознание и понимание сути таких пограничных ситуаций, решение вопросов об отнесении их к естественным природным (эмпирическая реальность) или к искусственным рукотворным (социокультурная реальность) является в современном мире актуальным и жизненно важным.

Из сказанного следует, что обоснование существования различных реальностей человеческого бытия пока вызывает немало вопросов. Главный из них давно сформулировал великий математик А. Пуанкаре, писавший в книге «Наука и гипотеза»: «Невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего ее, видящего, чувствующего ее. Такой внешний мир, если бы даже он и существовал, никогда не был бы нам доступен. Но то, что мы называем объективной реальностью, в конечном счете есть то, что общо нескольким мыслящим существам и могло бы быть общо всем» (Пуанкаре, 1990, с. 203–204). Иначе, но фактически то же самое говорят современные методологи истории и политики: «Другими словами, реальность как таковая не существует до того момента, пока не появляется ее репрезентация. Идея в том, что реальность в собственном смысле слова не существует, пока мы не помещаем ее, так сказать, перед собой на некотором удалении, а это достигается в репрезентации и благодаря ей» (Анкерсмит, 2014, с. 67). Это не означает, что репрезентация *создает* реальность. «Чтобы лучше понять эту мысль, представим, что происходит, когда мы обводим определенную территорию на карте и называем ее „Францией“ или „Германией“. Именно в этом смысле мы можем сказать вместе с Данто, что только путем создания заместителя реальности (то есть репрезентации) мы оказываемся на расстоянии от реальности и тем самым делаем ее существующей» (там же).

В психологии после исследований С. Л. Рубинштейна и других крупных ученых аксиомой является положение о том, что в мире человека не существует объективного знания о реальности, независимого от познающего субъекта. Объективность знания – всегда и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия. Любое научное понятие, которым мы описываем реальные предметы, события, ситуации – это и конструкция мысли, и отражение бытия (Рубинштейн, 1957). Объективное содержание понятия – это, разумеется, отраженное содержание предмета. Но, только преломляясь через внутренние субъектные условия познавательной деятельности познающего субъекта, содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение. Внутренние субъектные условия познания определяют различное понимание людьми одних и тех же бесспорно объективных данных. К примеру, если я скажу, что расстояние от центра Москвы до центра Санкт-Петербурга по прямой составляет около 635 километров, то это может оказаться непонятным британцу или американцу, привыкшему производить расчеты в милях. Аналогично россиянам трудно понять: у больного температура тела составляет 107,5 градусов по Фаренгейту (Gwyn, 2000) – это много или мало? Внутренние условия, концептуальные схемы понимающего мир субъекта играют определяющую роль в понимании трех реальностей человеческого бытия.

3. Третья составляющая – способы преобразования субъекта, полагания себя. С точки зрения раскрытия их содержания центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н. Е. Харламенковой, которая выделила четыре особенности активности человека как субъекта и личности (Харламенкова, 2010). Другой вариант описания субъектной активности представлен в работах М. Фуко. По Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках. При этом три дискурса соответствуют трехчленной схеме понимания мира (формы возможного знания, нормативные основания поведения, вероятные способы существования возможных субъектов) (Фуко, 2011).

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода состоит из двух компонентов.

1. Раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о целом. Анализ (разделение действительности на три реальности), в конечном счете, нужен для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека). Как точно подмечает М. С. Гусельцева, «анализ, понимаемый в широком смысле слова, реальность на элементы вовсе не расчленяет, а ее анализирует, устанавливая „игру“ взаимосвязей. Анализ здесь, как ни парадоксально, выступает в смысле синтеза, или собственно аналитики» (Гусельцева, 2009, с. 20). К аналогичным выводам о диалектических связях анализа и синтеза приходят лингвисты, обсуждающие проблемы понимания смысла текста: «Диалектика анализа и синтеза запечатлевает себя в основополагающих принципах интерпретации и выражается, в частности, в герменевтической идее „круга части и целого“. Конечный продукт работы интерпретатора – вербализованное и тем самым реализованное понимание (интерпретация) – также являет собой смысловое целое, продукт, синтезированный на основе проанализированного. Анализ, таким образом, не подчиняет себе синтез, а в конечном итоге подчиняется ему» (Щирова, Гончарова, 2007, с. 280).

Здесь уместно вспомнить глубокое психологическое замечание митрополита Антония Сурожского о соотношении анализа и синтеза в психике человека. Он писал: «Однако, как бы бедны мы ни были опытом, мы знаем, что аналитическое внимание ума, разлагающее предмет на составные части, нередко внимание рассеивает, разбивая его глубокое единство и развеивая его силу. Наоборот, монотонное, ритмическое, беспешное повторение одной-единственной формулы, краткой, но сильной, успокаивает ум, заставляет мысль утихнуть, объединяет внимание глубже многообразия явленной в существе темы и, несмотря на первоначальную рассеянность и за ее пределами, сосредоточивает ум, соединяя его с „сердцем“» (Антоний Сурожский, 1953, с. 150).

Направленность аналитического расчленения проблемы для ее последующего синтеза – важнейшая характеристика понимания в процессе математического мышления. Обсуждая два способа понимания в математике (топология и абстрактная алгебра), на это указывал известный немецкий математик Г. Вейль. В математическом исследовании различные стороны предмета подвергаются естественному разделению. Сначала каждая сторона задачи осваивается в отдельности, исходя из особого, сравнительно узкого и легко обозримого набора предположений. Затем математик возвращается к целому, подходящим образом объединяя частные результаты в сложное единство (Вейль, 1989).

В отечественной психологической науке идея о различии и взаимосвязи частей и целого продуктивно развивалась в психологии мышления. Дифференционно-интеграционные процедуры человеческого мышления неоднократно описывал О. К. Тихомиров. Он подчеркивал, что решение задачи, в частности шахматной, это всегда такой анализ, первичная дифференциация (ходов, предвосхищений, мотивов), за которым следует синтез, интеграция. Интеграция означает качественно новый уровень мышления, на котором решаемая проблема, целост-

ная позиция наполняется для субъекта еще и ценностно-смысловым содержанием. Динамика ценностно-смысловой структуры ситуации обусловлена изменяющимися в процессе мыслительной деятельности поисково-познавательными потребностями мыслящего субъекта (Тихомиров, 1984). Следовательно, при решении задач сущность аналитического метода также заключается не в направленности на расчленение объекта познания на отдельные его составляющие. Конечная цель применения метода – интеграция, синтетическое объединение частей познаваемого в целое.

Аналитичность как процедура человеческого ума играет значимую роль также в психологии рефлексии и психологии переживаний.

Рефлексия многими психологами рассматривается как сознательный и преимущественно когнитивный процесс. В этом ключе рефлексивность предстает как данность сознания самому себе, репрезентация субъекту то, что происходит в его психике. Рефлексия выполняет не только аналитические, но и синтетические функции. Как отмечает А. В. Карпов, рефлексия направлена на *анализ* основных видов когнитивных процессов (мышления, памяти и др.) человека как метакогнитивных – метамышления, метапамяти и т. п. Благодаря рефлексии у мыслящего субъекта возникает ощущение полноты и исчерпанности репрезентации внутреннего мира во всем многообразии его проявлений. Репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы в форме метапроцессов. Рефлексия оказывается *интегратором* психики как системного образования, а предметом интеграции являются основные психические процессы (Карпов, 2012). В более обобщенном виде, простым и ясным языком идея о сочетании дифференционных и интеграционных свойств познаваемого объекта в психике познающего субъекта представлена в работе Г. Марселя о двух видах рефлексии. Он различает рефлексию первой и второй ступени познания. Вторичная рефлексия влияет на процедуры, к которым прибегает первичная рефлексия, чтобы восстановить единство между элементами, которые та первоначально разъяла. «Скажем в общих чертах, что в то время как первичная рефлексия имеет тенденцию к разрушению изначально данного ей единства, рефлексия второй ступени является по сути дела восстанавливающей, она представляет собой возвращение, восполнение утраченного» (Марсель, 2003, с. 148).

Переживание тоже нередко понимается психологами именно как рефлексивный процесс, способствующий осознанию и, в конечном счете, появлению отрефлектированного субъектом знания о переживаемом. С этим трудно спорить – в результате взаимодействия процессов рефлексии и переживания осуществляется осознание актуальной жизненной ситуации. Однако в то же время возможно и отсутствие подобного осознания. И в этом случае отсутствие рефлексии переживаемого события препятствует его соотносению с личностным знанием субъекта и перемещению воспоминания о нем из жизненного опыта в экзистенциальный. Конструктивная попытка устранения противоречия между осознанностью рефлексии и личностным и не всегда осознаваемым характером переживаний предпринята А. О. Прохоровым в цикле исследований, посвященных анализу смысловых оснований рефлексивного слоя психических состояний (Прохоров, 2006). Рефлексию, смыслы и переживания он анализирует в едином континууме семантического пространства психических состояний: «Включение переживания в структуру смысловой детерминации обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с бытием и отражением бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к бытию. Презентация этого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний» (Прохоров, 2006, с. 46).

Переживания всегда включаются в отношение субъекта к бытию, в процессы отражения и порождения, интегрирующиеся в феномене смысловой детерминации ситуаций человеческого бытия. Репрезентация смысловой детерминации в сознании субъекта осуществляется не только в виде образов, но и в виде переживаний. Такой взгляд на проблему дает возможность осмыслить переживание не как широко распространенное в психологической литературе

когнитивистское подобие рефлексии. С позиций концепции структурно-динамической организации переживания (Фахрутдинова, 2008), психологические корни формирования обсуждаемого феномена следует искать не только в когнитивной реальности. Пожалуй, наиболее репрезентативными для анализа трудностей осознания переживаемого являются переживания, возникающие у современных людей, взаимодействующих в социокультурной и экзистенциальной реальностях. Трудности осознания собственных переживаний у людей связаны с психическими состояниями, эмоциями, защитными механизмами, межличностными отношениями и т. д.

2. Еще одним компонентом субъектно-аналитического подхода является ориентация на рубинштейновскую традицию исследования мышления и познания как анализа через синтез (Процесс мышления..., 1960) С. Л. Рубинштейн выделял две основные формы мыслительных операций. «Анализ-фильтрация» проявляется в мышлении как постепенное отсеивание не оправдавших себя проб решения задачи. «Анализ через синтез»: в нем анализ выступает в роли синтетического акта соотнесения условий с требованиями поставленной задачи. При этом в целом анализ рассматривался школой С. Л. Рубинштейна как мыслительная операция, которая функционирует в паре с синтезом. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию.

Роль синтеза в порождении целостного, холистического взгляда на события и явления также фундаментально обоснована: это убедительно показано в книге А. В. Брушлинского о логико-психологическом анализе мышления и прогнозирования (1979). В рубинштейновской традиции, которой он следовал и которую развивал, дифференцирующая и интегрирующая функции мышления заключаются в следующем: «Анализ и синтез в мышлении не противостоят друг другу, но существуют в единых формах. Анализ объекта в процессе мышления предполагает действие особого механизма анализа через синтез, т. е. включения познаваемого объекта во все новые и новые связи и отношения с другими, выявления, таким образом, новых качеств и свойств предмета. Этот процесс не есть простое разложение некой целостности на составные части, он не может осуществляться без трансформации исследуемого объекта, без выражения его существенных сторон в понятийной форме. Синтез предполагает не столько составление определенных элементов в структуру, но воссоздание всеобщих свойств предмета в различных его конкретных проявлениях (в виде особенного), т. е. путь от общего к частному, от абстрактного к конкретному, а также формулирование способа связи (понятийно выраженного) между частями объекта (обеспечивающего его целостное функционирование). Такой синтез способствует воспроизведению познаваемого объекта во всей его конкретности, в многообразии его проявлений, а, следовательно, и в его – целостности» (Селиванов, 2008, с. 31).

В мыслительном процессе анализа через синтез объект мысленно включается в разные системы связей и проявляет в них различные качества. Взаимодействуя с объектом, субъект «вычерпывает» из него все новое и новое содержание, расширяя свои представления об объективной картине мира. Однако отнесение содержания знаний о мире к объекту познания не означает исключения из психологического анализа субъективных составляющих познавательной деятельности. Без субъекта, его активности не может идти речь ни о каком содержании, потому что знание не включено в объект, оно порождается только во взаимодействии, в процессе соприкосновения объективного и субъективного миров. Точно так же можно утверждать, что в закрытой книге или выключенном компьютере нет никакой информации, она возникает тогда, когда читатель открывает книгу, а пользователь включает компьютер.

Сегодня метод «анализ через синтез» находит интересное воплощение в практике обучения студентов, в частности, в конструировании аналитико-синтетических задач по теории

алгоритмов. Решение таких задач невозможно без сочетающихся друг с другом анализом как выделением существенного и синтезом как актуализацией образованных ранее связей. «Управление поиском решения при использовании анализа осуществляют с помощью вопросов: что достаточно знать (иметь), чтобы выполнить требование задачи? (Откуда может следовать или быть получено то, что требуется?). Получив ответ на этот вопрос, сопоставляют его с условием (тем, что дано, известно) и, если в данных задачах не содержится того, что необходимо, тот же вопрос ставят по отношению к преобразованному, промежуточному требованию (Что достаточно знать для выполнения промежуточного требования?). Использование таких вопросов при решении задачи преобразует (развертывает) требование до тех пор, пока необходимое не обнаружится в данных задачах» (Колдунова, 2015, с. 135). В этом подходе используются два реверсивные, обратные по направлению движения приема: «синтез через анализ» и «анализ через синтез». Уровень развития аналитико-синтетического компонента мышления студентов определяется «соотношением между количеством поставленных студентом и преподавателем вопросов, необходимых для нахождения правильного решения задачи. При высоком уровне развития такие вопросы ставятся самим студентом, при низком уровне – преподавателем» (там же).

* * *

Несмотря на то, что субъектно-аналитический подход в психологии делает только первые шаги его польза для исследований понимания человеком трех реальностей мира человека очевидна. Составляющие этого подхода имеют глубокие корни в психологической науке и не только в ней. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленный анализ оснований, по которым человек воспринимает реальность как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Не менее научно значимым является определение сходства и различия обсуждаемого подхода с другими методами изучения психического, в частности культурно-аналитическим подходом. Таким образом, развитие субъектно-аналитического подхода мне представляется необходимым и перспективным, особенно в контексте психологии человеческого бытия.

Глава II. Психология человеческого бытия

2.1. Теоретические основания психологии человеческого бытия

В течение последнего десятилетия творческое наследие А. В. Брушлинского, его идеи интенсивно и плодотворно развиваются в трудах его учеников и последователей. На основе психологии субъекта А. В. Брушлинского Е. А. Сергиенко сформулировала принципы системно-субъектного подхода, получившего эмпирическое обоснование в работах ее учеников (Сергиенко, 2007). Н. Е. Харламенкова анализирует идеи об активности и парадоксах развития субъекта (Харламенкова, 2010). Т. К. Мелешко обсуждает вклад в формирование психологии субъекта континуально-генетической теории А. В. Брушлинского, отражающей диалектику непрерывности психического развития (Мелешко, 2005). В Кубанском государственном университете З. И. Рябикина и ее коллеги уже много лет проводят исследования с позиций субъектно-бытийного подхода к личности (Рябикина, 2008). В Смоленском государственном университете В. В. Селиванов с учениками изучают роль мышления в личностном развитии субъекта (Селиванов, 2003). В Санкт-Петербургском государственном университете Н. В. Гришина развивает ситуационный подход к человеку как субъекту жизни (Гришина, 2005). В Саратовском государственном университете Р. М. Шамионов проводит психологический анализ субъекта и личности в процессе социализации (Шамионов, 2009). В Южном федеральном университете В. А. Лабунская разрабатывает психологический портрет субъекта затрудненного общения (Лабунская, 2003).

Основная цель второй главы данной книги – проанализировать предварительные итоги и перспективы еще одного направления психологической науки, возникшего на основе психологии субъекта А. В. Брушлинского, – психологии человеческого бытия.

2.1.1. Психология субъекта – новая методология понимания человеческого бытия

В современной психологической науке всевозрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. Человеческое бытие невозможно понимать абстрактно, т. е. не будучи включенным в него. Поскольку человек сам является участником событий, социальных ситуаций, его бытие представляет собой субъектность, объективированную в процессах, явлениях, предметах человеческого мира. Субъект живет, понимая, осмысливая события и ситуации, ту среду, в которую он физически или мысленно включен.

Динамика формирования научных представлений о субъекте и бытии в психологии отражает их эволюцию в методологии науки. XX в. показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем – к пост-неклассической (Степин, 2000).

Классическая парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, в пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и поиске причинно-следственных связей преимущественно естественно-научными методами.

На *неклассическом* этапе на первый план выходит учет субъективного угла зрения наблюдателя. Ученые отчетливо осознали, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста понимания того, кто их наблюдает. Понятия должны

предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Следовательно, понятия и научные теории являются следствием не наблюдения, а понимания. Язык теоретических терминов служит исследователю для того, чтобы определить, что следует принимать за данность (объективную реальность) в этом мире. В результате на неклассическом этапе развития науки было поставлено под сомнение положение о том, что научные теории могут точно и однозначно описывать происходящее в мире и существующее в нем (Gergen, Gergen, 1986).

Наконец, *постнеклассическое* понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе развития науки решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. Иначе говоря, наряду с естественно-научными методами познания все большее значение приобретают социогуманитарные.

Одна из причин пристального внимания ученых к социальному и культурному контекстам человеческого бытия заключается в том, что образцом для неклассической науки в определенной мере явилась теоретическая физика, а на становление постнеклассической наиболее существенное влияние оказывает культурология (Гусельцева, 2003). В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция сочетания пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т. п. Типичный тому пример – драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000).

Описанные выше три способа рациональных рассуждений в нашей науке интегрировались в той области психологического знания, которая получила название «психология субъекта». Эта область психологической науки стала закономерным воплощением, вершинным проявлением синтеза знаний, полученных на каждом из этапов ее развития. Важно обратить внимание на то, что названные парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а, наоборот, системно сосуществовать в сознании, целостном научном мировоззрении конкретного ученого. Ярким примером такого ученого является А. В. Брушлинский.

В российской психологической науке категория субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на конференциях, в статьях, монографиях, диссертациях, учебных пособиях (Проблема субъекта..., 2000; Психология индивидуального..., 2002; Психология субъекта..., 2002; Брушлинский, 2003; Селиванов, 2003; Субъект, личность..., 2005 Личность и бытие..., 2008; Психология субъекта..., 2010; Человек, субъект..., 2013). Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что в последние десять-пятнадцать лет, главным образом благодаря целенаправленным и даже, можно сказать, подвижническим усилиям А. В. Брушлинского, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований – психология субъекта. На первых этапах ее формирования различия в установках исследователей проявлялись, прежде всего, в интерпретации проблемы соотношения психологических характеристик субъекта и личности. Наиболее типичными и показательными в этом отношении оказались научные позиции А. В. Брушлинского (он придерживался в этом вопросе гносеологического подхода) и Л. И. Анцыферовой – сторонницы эпистемологической точки зрения на эту проблему.

Для гносеологического подхода важнейшей является категориальная оппозиция «субъект – объект»: в рамках этой парадигмы познавательные процессы анализируются с точки зрения отношения субъекта (в частности, ученого) к объекту познания (предмету исследования).

В эпистемологическом подходе во главу угла ставится знание: его строение, структура, функционирование и развитие. При этом базовой является оппозиция «объект – знание». С эпистемологической точки зрения наука должна изучать объективные структуры знания, а не гносеологического субъекта, осуществляющего познание и нередко вносящего в его результаты искажения, ошибки и субъективизм.

И А. В. Брушлинский, и Л. И. Анцыферова, имея философское образование (оба окончили философский факультет МГУ и начинали свою жизнь в науке в Институте философии АН СССР), все же были подлинными психологами. Вследствие этого говорить о них как о «гносеологе» и «эпистемологе» можно только с большой долей условности. Однако для классификационной ясности описания индивидуальных особенностей их научных мировоззрений эти уточнения, безусловно, имеют эвристический смысл.

Гносеологический подход А. В. Брушлинского к анализу психических явлений объясняет, почему он так категорически не принимал идею эпистемолога К. Поппера о том, что объективное содержание мышления составляет так называемый «третий мир». А. В. Брушлинский, основывавшийся на гносеологических представлениях С. Л. Рубинштейна и внесший бесценный вклад в формирование психологии субъекта как самостоятельной области психологической науки, писал: «Поппер справедливо отмечает, что его теория отчасти идет от Платона и потому закономерно развивает ее в контексте своей общей установки „эпистемология без познающего субъекта“. И здесь с этим нельзя не согласиться: при *таком* подходе к обсуждаемой проблеме „третий мир“, т. е. научное знание как продукт, результат познавательной деятельности субъекта, уже не нуждается в последнем. И тогда уничтожение субъекта в „третьем мире“ закономерно приводит к его изгнанию из теории познания» (Брушлинский, 1999, с. 10).

Л. И. Анцыферова с уважением относилась к взглядам А. В. Брушлинского, но ее научная позиция была несколько иной. Она отмечает, что в 1990-е годы в методологические основания нашей психологии был введен новый принцип – «субъектно-деятельностный подход», который в качестве одного из главных способов существования человека акцентировал значение его активности по преобразованию, совершенствованию окружающего мира и себя в мире. «По существу этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход всю полноту личностного существования человека в мире, напряженность его душевной жизни, „своеобразные движения“ внутреннего мира?» (Анцыферова, 2000, с. 32). Эпистемологическая направленность осуществляемого Людмилой Ивановной психологического анализа заключается именно в ее стремлении систематически описать многомерное пространство человеческой жизни и показать, что личность соразмерна не с субъектом или деятельностью, а с целостным индивидуальным пространством бытия человека и творимой им жизни.

Эпистемологичность анализа психологии человека для нее не случайна, а закономерна: такой подход опирается на труды великих предшественников. Например, генетическая эпистемология Ж. Пиаже направлена на анализ общей структуры научного знания как внутри психологии, так и ее взаимоотношений с другими науками. Эпистемология Пиаже включает описание структур интеллекта, генетический анализ формирования физических понятий («скорость», «длительность времени» и др.), инвариантности знания об объекте, обратимости психических структур (Сергиенко, 2008). Следовательно, в отличие от С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского его работы основаны на глубоком детальном анализе психических структур, а не процессов. В значительной мере это характеризует и научную позицию Л. И. Анцыферовой. Для нее центром, фокусом эпистемологического анализа психики является многомерное пространство жизни. По ее мнению, «субъектное начало человека значительно ограничивается особенностями душевной жизни. Определенное место в ней занимают неосознаваемые мотивы, жизненные планы, вытесненные воспоминания, которые, однако, регулируют поведение индивида независимо от его воли» (Анцыферова, 2000, с. 32). Она осозна-

вала значимость анализа созидания человеком себя, своего внутреннего мира, собственной душевной жизни. В созидании себя сознательное переплетается с бессознательным, ожидаемое с неожиданным («личность должна быть неожиданностью для себя, открытием»), интеллектуальное с личностным. Неудивительно, что в последнее десятилетие своей долгой жизни Людмила Ивановна работала не в области психологии субъекта, а начала изучать как бы сотканный из противоречивого сплава психологических качеств феномен мудрости.

Анализ развития современной психологии субъекта невозможен без обращения к одному из ключевых ее понятий – «духовности». Научные представления о содержании конструкта «духовность» можно и нужно существенно углубить и расширить, обратившись к трудам французского мыслителя П. Адо и психолога А. В. Брушлинского.

В системе рассуждений П. Адо духовные упражнения – это то, что объединяет интеллектуальные и нравственные усилия субъекта, вовлекающие в себя весь его ум и направленные на преобразование себя, своего образа жизни, жизненного выбора. «Слово „духовный“ действительно позволяет понять, что эти упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им, индивид возвышается к жизни объективного Духа, т. е. снова помещает себя в перспективу Всего („увековечить себя, себя превосходя“»)» (Адо, 2005, с. 22). Экзистенциальные, по своей сути духовные упражнения обладают для человека субъективной ценностью и являются составляющей такой новой ориентации в мире, которая требует самопреобразования, метаморфозы самого себя. Например, духовным упражнением является чтение: «Мы проводим нашу жизнь „читая“, но уже не умеем читать, то есть останавливаться, освобождаться от наших забот, возвращаться к самим себе, оставлять в стороне поиски изысканности, утонченности, оригинальности, спокойно размышлять, вглядываться в глубины, чтобы позволить текстам говорить с нами» (там же, с. 64). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия. И самое главное: тексты, в частности, античных философов, очень часто предназначены не только для информирования – они представляют собой духовные упражнения, которые автор практикует сам и помогает практиковать своему читателю. Человека только тогда можно назвать подлинным мыслителем, когда он не только рассуждает, но и живет в соответствии со своей системой мысли.

Последнее положение, а также понимание духовности совпадает с психологией субъекта А. В. Брушлинского. В его «Избранных психологических трудах» (Брушлинский, 2006) понятие «духовность» употребляется более 60 раз. Так же как и П. Адо, он использует это понятие не в узком, например религиозном, смысле, а в широком, применимом к психологическому анализу гуманизма, тоталитаризма, нравственности и других макрокатегорий. Рассуждая метафорически, можно утверждать, что психология субъекта, безусловно, потенциально включает духовные упражнения, практики. Пр продемонструю это, ссылаясь на различия между «субъектным» и «субъектно-деятельностным» психологическими подходами. Главное различие между ними – в методах психологических исследований. Как уже было сказано выше, психология субъекта в варианте А. В. Брушлинского стимулировала возникновение новых направлений психологической науки, одним из которых является психология человеческого бытия. В этой книге описаны результаты исследований понимания людьми моральных дилемм, образа врага, эвтаназии и других проблем. Главная методическая особенность этих исследований – отсутствие деятельностной составляющей. Это субъектный подход, а не субъектно-деятельностный. Применявшиеся в них методики позволяют психологу делать заключения лишь о результативной стороне понимания. Оно психологически вполне может включать личностные и иные особенности понимающего субъекта, но исключает те операции и действия, которые определили индивидуальную и типологическую специфику понимания.

Иначе понимал психологию субъекта А. В. Брушлинский, который, следуя за своим учителем, настаивал на ее субъектно-деятельностных основаниях. И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Отсюда вытекает его интерес к макропроблемам социально-экономических преобразований Советского Союза и России в период перестройки и после него. И это был не голословный интерес: Андрей Владимирович обладал ярко выраженной гражданской позицией, которую он проявлял во многих, особенно критических для российской науки ситуациях. Он был одним из немногих, кто в середине 1990-х годов решительно, преодолевая сопротивление чиновников от науки, выступал за выделение гуманитарных наук в самостоятельный фонд, т. е. за отделение РГНФ от РФФИ. Учитывая междисциплинарную направленность и энциклопедические знания ученого, вполне естественно, что в новом фонде именно Андрей Владимирович курировал деятельность Экспертного совета по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогики, в котором рассматриваются конкурсные проекты медиков, экологов, физиологов и представителей многих других специальностей. В зрелом возрасте Брушлинский совершал поступки, которые со всей очевидностью могли неблагоприятно отразиться на его карьере. По принципиальным соображениям в РАН он высказывал точку зрения, которая явно шла вразрез с мнением многих членов академии, в том числе и руководящих. Он был трезвым и современным человеком, совершающим поступки в реальном научном сообществе. Люди есть люди: некоторые через какое-то время на выборах в РАН подходили к нему и говорили, что голосовали за него, уважая его последовательность и принципиальность. Другие, к сожалению, и после смерти не могут простить его за неконформизм и отстаивание личной точки зрения (к слову сказать, она выражала мнение десятков психологов, не имевших права голоса в РАН).

Таким образом, субъектно-деятельностный подход был для А. В. Брушлинского не научной абстракцией, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

А. В. Брушлинский разработал целостный, оригинальный и сформированный вариант психологии субъекта. В его варианте психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки XX в., которые в течение почти полувека занятий научной деятельностью были в фокусе внимания Брушлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы. Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в четырех основных положениях.

1. В переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического.
2. В значительном расширении представлений о содержании активности как фактора детерминации психики.
3. В целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта.
4. В различении господствовавшего до этого в отечественной психологии представления о получении нового знания о мире только в результате решения предметных задач и способа интерпретации того, что не имеет однозначного решения (надо ли отменять в нашей стране мораторий на смертную казнь? что такое «гуманизм»? и т. п.).

Цель раздела – показать, что психологию субъекта сегодня следует рассматривать как методологическую основу конкретных эмпирических исследований, в частности, проблем понимания человеческого бытия.

Для реализации этой цели я обосную приведенное выше утверждение о четырех основных положениях психологии субъекта.

I. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой человек противостоит дискретным отдельным объектам, событиям и ситуациям реальной действительности. Противоречие устраняется путем признания неизбежного для любого научного познания мира (учитывающего взаимодействия субъекта с объектом) включения познающего в познаваемое. С такой точки зрения, объективная ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. «Воздействие любой „объективно“ стимулирующей ситуации зависит от личностного и субъективного значения, придаваемого ей человеком. Чтобы успешно предсказать поведение определенного человека, мы должны уметь учитывать то, как он сам интерпретирует эту ситуацию, понимает ее как целое» (Росс, Нисбетт, 1999, с. 46).

Проблемы, которые сегодня привлекают наиболее пристальное внимание, непосредственно связаны с традиционной для психологии постановкой вопроса об основных единицах анализа психического. Объективные обстоятельства и методы, с помощью которых исследователи узнают что-то новое о человеческой психологии, существенно изменяют научные представления о «единицах психики». В разные исторические периоды единицами анализа психики выступали ощущение, рефлекс, действие, отношение, значение и т. п. Современный этап развития психологической науки дает основание считать, что в качестве единиц психики следует рассматривать более интегративные образования, основанные на трансформации структур индивидуального опыта человека. Нет ничего удивительного в том, что именно Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического. Приведу только две причины.

Во-первых, такой подход дал Андрею Владимировичу возможность под новым углом зрения (по сравнению с его предыдущими исследованиями, например, решения мыслительных задач методом микросемантического анализа) взглянуть на фундаментальные проблемы, занимавшие его в течение всей жизни.

Во-вторых, пристальное внимание Брушлинского к макроаналитическому методу познания психического вообще. Вся его жизнь в науке (особенно последнее десятилетие творческой биографии) характеризовалась стремлением к изучению целостной, единой психики человека: сложных действий с объектами, нравственных поступков, гуманистической направленности личности и т. п. Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений человеческой психологии – духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

II. По сравнению с «классическим» рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики. «Активность» является одной из ключевых категорий аппарата психологической науки. Понятие активности связывается с поиском и осмыслением тех характеристик психического, которые выходят за пределы адаптивной, приспособительной деятельности. Для психологии субъекта проблема активности является одной из главных, она оказывается тем камнем преткновения, с которым сталкиваются все участники дискуссий о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н. Е. Харламенковой. Она выделила четыре особенности активности человека как личности:

1. Форма активности. Активность личности выражается в определенной форме, которая называется деятельностью.

2. Характер влияния личности на деятельность, в результате которого последняя приобретает индивидуальный характер, но существенно не реорганизуется.

3. Объект влияния. Личность через свои социально-психологические особенности влияет на продукт (результат) деятельности.

4. Направленность и границы активности: развитие личности обусловлено развитием в деятельности, ее динамикой в процессе онтогенеза, обусловленного переходом от одного вида деятельности к другому, от одной стадии к другой (Харламенкова, 2010, с. 43–44).

По этой же схеме описана активность человека как субъекта деятельности:

1. Форма активности: деятельность субъекта выходит за пределы адаптивной, приспособительной активности и выражается в преобразующем влиянии, изменении этой деятельности, имеет творческий самодетельный характер.

2. Характер влияния на деятельность: субъект оказывает реорганизующее влияние на деятельность, осуществляя ее регуляцию за пределами актуально осуществляемой деятельности. Это активность в собственном смысле слова.

3. Объект влияния: если личность влияет на результат деятельности, то субъект – и на ее результат, и на процесс.

4. Направленность и границы активности: развитие субъекта определяется его функционированием в ходе жизни, которое не описывается в категориях стадий развития и не определяется фиксированными временными границами (там же, с. 44–45).

Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый внедрял в психологическое сообщество мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.

III. То, что к концу жизни для Андрея Владимировича основным предметом его научных размышлений стала именно описанная выше проблемная область, не удивительно: в психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований. С методологической точки зрения можно утверждать, что он разрабатывал психологию субъекта как целостную и системную область психологического знания. На уровне конкретно-психологических исследований, представленных в разных публикациях Брушлинского, это проявлялось в осознанном выделении им структурного, динамического и регулятивного планов анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности.

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т. п. «Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т. д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий – это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших **понятий** (числа и т. д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13).

Брушлинский рассматривал проблему критериев, прежде всего, в динамическом плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности – познания, действия, созерцания, индивидуального развития

(как особого способа подлинно человеческого существования). Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т. п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений Андрея Владимировича и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности, к названным выше следует добавить еще, по меньшей мере, два критерия.

Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего, на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения.

Четвертый критерий – развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающих человеку взгляд на себя со стороны. В отличие от остального сущего человек всегда соотнесен со своим бытием. Соотнесенность проявляется, прежде всего, в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействующих людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение каждого из нас к себе наиболее рельефно выражает отношение к бытию. Способность к рефлексии, направленной на себя, – ключ к превращению человека в субъекта. Субъект – это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта представляет собой структурный план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б. Ф. Ломов), созерцание (С. Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б. Г. Ананьев). Я согласен с В. А. Лабунской, которая считает, что «перечисленные выше характеристики субъекта наиболее органично соединены в определении, которое было дано А. В. Брушлинским. Свое определение субъекта он построил на основе анализа идей С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева и др. Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида». Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способы, средства преобразовательной активности» (Лабунская, Менджерицкая, Бреус, 2001, с. 35).

В человеческом бытии разнообразные виды активности реализуются, прежде всего, в совокупности отношений человека к природе, себе и другим людям. Как полагает К. А. Абульханова, раскрывать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции, субъект – это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое

качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности (Абульханова, 1997).

А. В. Брушлинский, во-первых, не во всем соглашался с такой точкой зрения: «Субъект – это всеохватывающее, *наиболее широкое* понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д. Личность, – напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» (Брушлинский, 2001, с. 17). Во-вторых, он не сводил активность субъекта исключительно к деятельности: проявление сознательной и бессознательной активности в поведении, формирование политической воли, рост духовности – все использовалось им в качестве аргументов для обоснования субъектной сущности людей.

В наши дни проблема соотношения субъекта и личности получила развитие в работах Е. А. Сергиенко. Сначала она проанализировала четыре основных варианта понимания соотношения субъекта и личности в российской психологии. Затем выдвинула гипотезу о соотношении частного и общего в проявлениях человека как субъекта и как личности с позиций системно-субъектного подхода. Согласно гипотезе (впоследствии доказанной эмпирически), личность является стрессовой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность задает направление психического развития, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной (понимание), регулятивной (контроль поведения) и коммуникативной (установления субъект-субъектных отношений). У личности когнитивная функция реализуется в осмыслении (порождение операциональных и личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций). Регулятивная функция – в переживании, указывающем на отношение к событию или ситуации и приводящем к изменениям в Я-концепции. Коммуникативная функция личности проявляется в направленности на значимые аспекты реальности. «При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны человеческой организации тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность смыслопорождения и изменения поведения, его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта» (Сергиенко, 2013, с. 10).

Регулятивный план анализа психологии субъекта. Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. По Брушлинскому, в человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень отражения действительности и потому высший тип регуляции всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т. п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром все психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, соци-

альной, индустриальной, управленческой и т. д.» (Брушлинский, 2000б, с. 7). На уровне конкретно-психологических исследований, например мышления, регулятивные аспекты психики Андрей Владимирович чаще всего обсуждал в связи с проблемой обратных связей. Не случайно целая глава его последней монографии называется «Субъект деятельности и обратная связь» (Брушлинский, 2003).

4. Психологи (особенно когнитивные), ориентируясь на естественнонаучные образцы научного исследования, десятилетиями рассматривали объективное научное знание как результат решения познавательных задач. Однако на рубеже веков перед учеными остро встал вопрос об изменении предмета исследования, о необходимости изучать макрофеномены и макрокатегории, никогда ранее не входившие в предметную область нашей науки. Обращение внимания на феномены, которые не имеют референтов в эмпирической реальности – духовный потенциал личности (Ожиганова, 2013), символическое бытие архитектурной среды (Панов, 2015), психическая саморегуляция (Моросанова, 2010), справедливость (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014) и др. – потребовало от психологов перехода от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического. И тогда А. В. Брушлинский, размышляя над основаниями психологии субъекта, сделал открытие, которое до сих пор практически никто не заметил: новое знание о проблемной ситуации может возникать не только как результат ее решения. Принципиальной новизной для субъекта обладают новые способы *интерпретации* того, что не имеет однозначного решения.

В эмпирической реальности мы имеем дело с предметными задачами, результатом решения которых является новое знание о мире. Обычно считается, что решение, например шахматных задач, возникает в результате перебора познающим субъектом множества альтернатив. Однако в ряде случаев при формальной возможности выбора реально, психологически он не совершается. Как показал А. В. Брушлинский, решая математические, физические и другие предметные задачи, в которых объективно возможны два или несколько способов решения, субъект никогда не начинает мыслительный поиск с выявления альтернатив и выбора одной из них. Для мыслящего субъекта альтернативы никогда не являются содержательно равноценными, равновероятными и требующими предпочтения только одной из них (Брушлинский, 2006). Если так обстоит дело с решением математических, физических и других четко определенных задач, то еще в большей степени подобные механизмы мышления реализуются при решении человеком нравственных задач, потенциально содержащих ситуации морального выбора. Исследования ясно показывают, что в ряде случаев моральные дилеммы вполне могут решаться без перебора вариантов, без выбора альтернатив. Однако выявление таких случаев в психологических исследованиях возможно только с помощью специальных, требующих больших временных затрат, процедур микросемантического анализа. Он применялся Брушлинским для исследования единичных случаев.

Обобщающий итог его исследований заключался в том, что даже если по каким-то причинам субъект сначала вынужден фиксировать внимание на отдельном объекте, то в процессе мышления «вычерпывание» нового содержания происходит посредством расширения контекста, рассмотрения того, какое место он в нем занимает. Примером может служить то, в какой степени преступление обусловлено не только личностными чертами и мотивами преступника, но и обстоятельствами, в которых оно совершено. В 1990-е годы А. В. Брушлинский изучал эту проблему на примере отношения россиян к смертной казни (Брушлинский, 2006, с. 559–570). В этом и заключается познавательная деятельность: объект включается в новые связи и отношения, которые сами начинают влиять на него, наполняя познание новым содержанием.

Понимание-принятие или понимание-отвержение смертной казни – типичный новый для психологической науки макрофеномен, имеющий важное значение для психологии субъекта. При обращении психологов к анализу макрофеноменов, не содержащих явно выраженных альтернатив и не имеющих референтов в предметном мире, решающее значение приобретает спо-

соб их интерпретации. Анализируя решение нравственных задач, он писал: «Решением считался не какой-либо определенный ответ (как это принято в предметных задачах), а любой обоснованный и подробно обсужденный испытуемым способ решения» (Брушлинский, 2006, с. 562).

Фактически это означает, что при переходе от микросемантического метода решения задач к макроаналитическому изменяются наши представления о соотношении мышления и понимания. В психологии мышления акцент делается на результате, получении мыслящим субъектом новых знаний о мире. В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция – порождение смысла знания. Понимание всегда поливариативно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания интерпретация – это конкретный, один из возможных способов понимания. В частности, способы решения нравственных задач, по А. В. Брушлинскому, есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

Следовательно, смещение внимания психологов с результата познания на его процесс способствует не только углублению научных знаний об известных феноменах, но и развитию новых взглядов на содержательное соотношение между разными областями психологической науки.

* * *

Итак все сказанное выше убедительно свидетельствует о том, что психология субъекта представляет собой сформировавшуюся область психологического знания, обладающую довольно ясно очерченными контурами, проблемами, методами их решения и теоретико-методологическими основаниями. Психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного похода школы С. Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие, как психология человеческого бытия). Сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: ее следует рассматривать в качестве методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия. Среди них центральное место занимает круг проблем, связанных с пониманием субъектом мира и себя в мире.

Проведенный анализ показал, что категория субъекта, исследованию которой так много усилий и таланта посвятил А. В. Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии и играет в ней системообразующую роль. Благодаря ему, его ученикам и последователям психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. В ее основании лежат не только убедительные теоретико-методологические доказательства, она имеет и вполне ощутимые эмпирические следствия. Единственное, в чем сегодня ощущается острая научная необходимость, – в творческом развитии психологии субъекта. И надежда на превращение необходимости в реальность есть.

В этой связи очень значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, тогда почему в качестве основателя психологии субъекта я называю А. В. Брушлинского, а, например, не К. А. Абульханову или какого-нибудь другого серьезного и всеми уважаемого ученого? Дело в том, что только А. В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). Он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную возможность дискурсов – допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем. В таком

дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А. В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности... С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А. В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и объектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т. п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований. Фактически А. В. Брушлинский сформулировал и пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличаются от характеристик индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос проявилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности (Поддяков, 2014), безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций.

В заключение необходимо высказать принципиальное соображение о наступлении нового этапа в развитии психологии субъекта. Российская психология субъекта фактически уже прошла первый этап развития, который я бы назвал содержательно-структурным. Закономерно для становления любого нового научного направления, что на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека, соотношение категорий «субъект», «личность», «индивидуальность» и другие аспекты проблемы. Пристальный интерес ученых к структурным компонентам индивидуального и группового субъекта проявлялся, в частности, в том, что в качестве психологических особенностей коллективного субъекта выделялось наличие присущего нескольким людям состояния преактивности, способность группы проявлять совместные формы активности, коллективную саморефлексию и т. п. Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, т. е. опасность впасть в порочный замкнутый круг – необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть: в XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. На первом, фактически познавательном этапе психологам важно было получить истинное знание о субъекте. На втором этапе главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и приемы (например духовные практики), с помощью которых она происходит. Осуществляется смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды нескольких учеников и последователей А. В. Брушлинского. В наше время идеи о

становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (Тульчинский, 2010), идее о самопроектировании личности (Чепелева, 2013), в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» (Петрова, 2013), конечно же, не отрицает эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познание, на такую нелегкую работу по изменению себя, которая отражена в кратком и емком высказывании: «Самое сложное для человека – познать и изменить себя» (Критская, Мелешко, 2015, с. 19). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому. Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дают психологам возможность исследовать две взаимосвязанные стороны формирования субъектности человека. В содержательном ракурсе рассмотрения проблемы субъекта психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

Первый этап развития обсуждаемого научного направления, по существу, был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Более перспективным и соответствующим второму этапу пониманием субъекта мне представляется не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразования соответствует многим направлениям современных психологических исследований – самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др. В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего в себя проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта.

2.1.2. Конституирование человеком способа быть субъектом: забота о себе

Цель раздела – описать феномен «заботы о себе» как концентрированное выражение субъектности человека.

С античности в европейской культуре сформировалось суждение о том, что заботиться о себе, не теряя себя человеку помогает образование: «Для античных мыслителей образование являлось заботливо организованным обретением себя» (Безрогов, Пичугина, 2014, с. 144). Обучаясь, заботящийся о себе человек становится субъектом, совершенствующим, творчески изменяющим себя таким образом, чтобы это способствовало и духовному росту окружающих его людей. Знаменательно, что в этом процессе понимание занимает главенствующее место (Бабушкина, 2002).

Забота о себе – это такое измерение жизни, в котором гармонично сочетаются внимание субъекта к себе, своему благополучию и аналогичный взгляд на других людей. Посредством других людей субъект узнает и понимает себя. В широком смысле слова забота о себе

включает направленность субъекта на личностное развитие, не только увеличение культурных знаний о мире, но и стремление постичь смысл человеческого бытия. Достигается это путем работы над собой, социальных практик, духовных упражнений. Забота о себе требует от человека способности осмыслить свои возможности и не ставить перед собой заведомо невыполнимые задачи. Попытки их решения могут не способствовать личностному росту, а, наоборот, привести к саморазрушительным последствиям. «Забота о себе предполагает глубокую трансформацию взгляда на мир и способа бытия в мире, и эта трансформация оказывается радикальной и трудной. Духовные упражнения и техники направлены на внутреннее изменение субъекта» (Боффо, 2015, с. 153–154).

Современная интерпретация феномена заботы о себе созвучна таким идеям самосозидания человеком своих субъектных качеств, которые указывают на поиск новых подходов к поиску психической активности субъекта в жизни и деятельности. Неудивительно, что эти идеи очень близки психологии субъекта. В заботе о себе умственные и физические усилия субъекта, связанные с самопониманием и самосовершенствованием, направлены на сокращение разрыва между тем, каким субъект является на самом деле, и тем, каким он себе себя представляет. Соответственно, совершаемые поступки имеют для него смысл лишь в той мере, в которой они помогают лучше узнать себя. По Фуко, забота о себе оказывается альтернативным методом субъективации: субъект более не обязан открывать и осознавать истину о самом себе. Главное – придать смысл собственному существованию, делая его прекрасным с этической и эстетической точки зрения. По сути дела речь идет о смещении акцентов с познания на существование. А эта идея, безусловно, близка психологии человеческого бытия.

Стремление к внутренним изменениям, самосозиданию, трансформации себя проявляются в психологических исследованиях самопонимания. Как известно, процессы понимания человеком себя обычно «запускаются» внешними побудительными причинами (требованием написать автобиографию при приеме на работу, вопросом о том, почему вы именно таким образом относитесь к партнеру по общению и т. п.). Так, для меня поводом для разворачивания процесса самопонимания стала описанная в разделе 4.5 этой книги ситуация, в которой возник вопрос: хочу ли я прочитать книгу по психологии продаж?

В современном мире одной из причин переосмысления субъектом себя, трансформации самопонимания является миграция, смена страны проживания, столкновение человека с новыми культурными и социально-психологическими реалиями. В этом отношении типичные результаты получены в психологическом исследовании, в котором участвовали китайки, продолжившие свое образование в американских университетах (Qina, Lykesb, 2006). Исследование показало, что самопонимание активно, динамично, текуче потому, что сама личность разнообразна и многогранна. В процессе культурной адаптации происходит повторное исследование и переосмысление ранее фрагментированных сторон своей личности. Переосмысление нужно для того, чтобы создать новое, расширенное Я, включенное в сеть отношений в чужой культуре. У некоторых испытуемых развивалось критическое сознание и новый смысл личности, поскольку они объединяли болезненные потери, сопровождающие их отъезд из Китая, и новую социальную идентичность, возникающую после пересечения границы. Чем больше человек осознает необходимость трансформации, создания нового Я, тем органичнее он вписывается в новую социокультурную среду, в непростые новые человеческие отношения: «Многие люди, которые учились в Америке, рассказывали, что жизнь иностранного студента очень трудна и выживание дается нелегко. Что касается меня, то я думаю, что хотела испытать эти трудности. Их преодоление поможет мне подняться на иной уровень духовного развития» (Qina, Lykesb, 2006, р. 188). Результаты направленности субъекта на преодоление противоречий не заставляют себя ждать: «Я очень изменилась! Раньше, в Китае, я стереотипировала людей, не задумываясь, делала быстрые выводы. Но теперь я более открыта для того, чтобы

согласиться с новыми идеями, вещами, различными ценностями и поведением. Я имею в виду, что я стала непредубежденной к разнообразию вещей и людей в мире» (там же, с. 192).

Большой вклад в психологический анализ обсуждаемого феномена внесла Г. В. Иванченко, которая проинтерпретировала различные варианты психологических ресурсов действенной заботы субъекта о себе. Она проделала большую работу, направленную на творческое развитие идей М. Фуко. У обоих ученых главный акцент был сделан на конституировании способа быть субъектом, анализе форм самоконструирования, прагматики отношения к себе (Иванченко, 2009; Фуко, 2007)

У М. Фуко реализация метода «анализ через синтез» в социокультурном контексте нашла удачное воплощение именно в исследованиях феномена заботы о себе. У него описание этого феномена было направлено на конструирование целостной картины путем анализа частей. В концепции *epimeleia* (заботы о себе) он различал четыре аспекта (Фуко, 1991). Первый аспект: то, что можно назвать мировоззрением субъекта – индивидуально-специфическая манера смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. Забота о себе – это также отношение к самому себе, к другим, ко всему в человеческом мире. Второй аспект: забота о себе – это особая форма внимания, изменение направления взгляда, перенесение его с внешнего мира на внутренний, с других на самого себя. Забота о себе предполагает интроспекцию: наблюдение субъекта за тем, что он думает и что происходит в его внутреннем мире. Третий – определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе. Действия, посредством которых субъект проявляет заботу о себе, изменяют и преобразуют его. Эти действия представляют собой совокупность практических навыков, приобретаемых путем большого количества упражнений. В истории западной культуры, философии, морали и духовной жизни техники медитации, запоминания прошлого, изучения сознания имеют давнюю традицию, они как бы вплетены в социокультурный контекст. Наконец, четвертый аспект исследовательского внимания: понятие заботы о себе основано на совокупности нормативных предписаний, определяющих способ существования субъекта в обществе, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии (Фуко, 1991, с. 285).

Творчество Г. В. Иванченко является наглядным проявлением значимости для анализа человеческого бытия целостного континуума «знание – опыт», потому что ее исследования направлены на изучение психологии субъекта, действующего во всех трех реальностях – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной. В частности, как, условно говоря, направленный на взаимодействие человека с эмпирической реальностью можно рассматривать ее анализ принципа необходимого разнообразия в природе (Иванченко, 1999а), а также музыкальных ощущений и восприятия музыкальных звуков (Иванченко, 2001). Несколько иной взгляд на понимание и поведение людей в социокультурной реальности представлен в книгах о паблик рилейшнз (Иванченко, 1999б), логосе любви (Иванченко, 2007а) и космосе любви (Иванченко, 2009б). Наконец, отчетливо выраженный экзистенциальный характер имеют исследования феномена одиночества (Покровский, Иванченко, 2006) и историко-методологического и психологического анализа стремления человека к совершенству (Иванченко, 2007б). Ее размышления о самосовершенствовании и самореализации сыграли роль связующего звена, моста, ведущего к постановке проблемы заботы о себе.

С точки зрения современной психологии субъекта и психологии человеческого бытия именно последняя проблема – конституирования человеком способа быть субъектом – сегодня стала наиболее интегративной, обобщающей. И очевидно, что она была главным вопросом и для М. Фуко, и для Г. В. Иванченко, и для А. В. Брушлинского.

Психолог Галина Иванченко в обсуждаемой концепции сфокусировала свое исследовательское внимание в основном на психологических ресурсах действенной заботы субъекта о себе. Причем в поле ее пристального внимания был весь диапазон «рациональные знания –

экзистенциальный опыт» – от факторов, способствующих формированию заботы, до тупиков, метапатологий, ведущих к утрате ценностных оснований человеческого бытия.

Начинается анализ с выбора субъектом совершенствующих состояний. Ситуации самосовершенствования субъекта изучаются с разных точек зрения. Одна – измерения умений и навыков доведения мастерства и исполнения до пределов возможного. Другое измерение – степень добровольности переживания той или иной ситуации – от избегания до стремления субъекта попасть в нее. Третье измерение связано со степенью осознанности, осмысленности переживания и действий человека в той или иной ситуации, например одиночества.

Именно способность переносить одиночество как ресурс в заботе о себе становится следующим аспектом исследования проблемы. По мнению Г. В. Иванченко, «одиночество парадоксальным образом выступает и как ресурс развития, и как жизненно необходимое в определенных „дозах“ состояние, и как непреодолимое испытание для тех, чьи силы подточены психологическими защитами от мира, аддикциями, неотрефлексированными личностными проблемами. Сама способность человека переносить одиночество служит индикатором его личностной зрелости, открытости, аутентичности, и индивид, изо всех сил старающийся не столкнуться с одиночеством, скорее всего также избегает и осознания других проблем» (Иванченко, 2009а, с. 86).

Еще один ресурс – любовь. По психологическому содержанию этот ресурс различен у мужчин и женщин. Мужчины чаще страдают от неспособности духовно сблизиться с любимой, доверять ей. Женщинам труднее преодолеть неуверенность в себе, они нередко испытывают страх перед одиночеством, боятся, что их покинут. Преодоление неуверенности в себе – необходимое условие самореализации и самосовершенствования субъекта.

Важным конституирующим субъекта ресурсом является способность ставить цели. При анализе целеполагания психологу важно осознавать, что нередко альтернативы, из которых необходимо сделать выбор, не даны субъекту непосредственно. Они требуют такого осознания и формулирования, которое требует от субъекта выхода за пределы себя, предусмотрения возможных последствий. «Поэтому целеполагание тесно связано с ответственностью человека и с его свободой выбирать алгоритмы и пути решения задачи. Приходится выбирать и средства достижения целей» (там же, с. 93).

Расширенным вариантом целеполагания являются жизненные планы и программы человека. Жизненные планы обращены в будущее, а критерием их оптимальности оказывается не только расширение границ возможного, но и усложнение и обогащение жизненного мира субъекта.

Г. В. Иванченко рассматривала заботу о себе, прежде всего, как самосовершенствование человека, описываемое четырьмя полярными характеристиками.

1. Непринужденность, органичность, естественность – насильственность самосовершенствования. Чем больше совершенствующийся человек учитывает свою индивидуальность, принимает во внимание присущие ему свойства, качества, задатки, таланты, тем ближе совершенствование к полюсу «непринужденности».

2. Тотальность – частичность самосовершенствования (широта изменений, производимых совершенствующими процессами в субъекте – его двигательных навыках, ответственности и т. п.).

3. Внешняя – внутренняя направляемость процессов (и среди последних – направляемость потребностями нужды либо потребностями роста). Г. В. Иванченко подчеркивает, что подлинно свободное самосовершенствование направляется не «потребностями нужды», а «потребностями роста», по А. Маслоу.

4. Осознанность – нерефлексивность процессов самосовершенствования. Человек может не осознавать или частично осознавать свои мотивы и психологические механизмы самосо-

вершенствования: «С одной стороны, стремление к совершенству и самосовершенствованию может проявляться и без какой бы то ни было осознанности, с другой стороны, у взрослого человека почти всегда выстраивается целая система деятельностей, связанных с самосовершенствованием, с приближением „реального Я“ к „идеальному Я“» (там же, с. 108).

Таким образом, психологические ресурсы действенной заботы субъекта о себе исследованы глубоко и разносторонне. Это относится к анализу не только психологических характеристик субъекта, способствующих формированию этого феномена. Не менее тщательно были изучены препятствия на этом пути: потеря направления и ориентиров заботы о себе, утрата ценностной основы, фанатизм, экзистенциальное одиночество и др. Чем дальше ученый продвигается в направлении анализа причин нарушения меры в заботе о себе, тем больше она вынуждена погружаться в такие глубины психики субъекта, которые никак не могут быть осознаны и отрефлексированы. Например, это происходит при сопоставлении верности субъекта себе и метапатологий. Метапатологии не нарушают связь человека с основой бытия, но непостоянство и ригидность – те два полюса, между которыми в особенности сложно сохранить меру. С одной стороны, сознательные рефлексивные усилия человека по обретению и удержанию этой меры мало что могут дать, если это просто «волевые усилия, не связанные с какой-то выходящей за пределы отдельного человеческого существования целью. Так, верность себе, если она не связана со служением делу или самоотдачей, легко и быстро вырождается в самоуверенность и самонадеянность, нескритичность» (там же, с. 259). С другой стороны, одного сознания мало: в истории психологии интроспекция никогда не приводила к решению крупных психологических проблем, например, понимания. Причина в том, что эти проблемы надо рассматривать не только в узком смысле, как познавательные процедуры субъекта, но и в широком экзистенциальном – как способ человеческого бытия. Такие проблемы мы понимаем не только по типу понимания-знания, но и по типу понимания-постижения. Несомненно, что психологическая природа «заботы о себе» такая же, и это явным образом следует из глубоких и интересных исследований М. Фуко и Г. В. Иванченко. Несомненно также и то, что забота о себе (которую, как по большому счету можно утверждать, до сих пор игнорирует большинство россиян применительно к себе и к окружающим) является действенным ресурсом становления субъектности человека, конструирования себя. Разумеется, дальнейшие исследования этого феномена будут способствовать углублению научных представлений о психологии субъекта и психологии человеческого бытия.

2.1.3. Психология человеческого бытия: теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований

Психология человеческого бытия, научный фундамент которой заложили В. Франкл, С. Л. Рубинштейн и А. В. Брушлинский, сегодня является одной из перспективных и динамично развивающихся областей психологического знания. В конце XX в. ее контуры были явным образом обозначены посредством описания теоретических оснований, предмета, целей, методов. В наше время психология человеческого бытия продолжает интенсивно развиваться (Субъект..., 2005; Личность..., 2008). В этих условиях актуальной является необходимость углубления и расширения научных представлений о человеческом бытии. Понятийный аппарат психологии должен обогатиться и более ясными «психологичными» дефинициями человеческого бытия, и более точным определением предмета исследования.

Утверждая, что в конце XX в. созрели предпосылки для рассмотрения психологии человеческого бытия как самостоятельной области психологической науки, я отчетливо осознаю не только перспективность такого направления анализа многих психических феноменов (в частности, понимания), но и возможные возражения и теоретиков, и практиков. Прочитав или

услышав это утверждение, любой образованный психолог может выразить недоумение: психологическое направление исследований, имеющее дело с анализом коренных проблем человеческой жизни, уже существует – это экзистенциальная психология. Предметом экзистенциальной психологии являются такие глобальные вопросы, как проблемы жизни и смерти человека; свободы и детерминизма; выбора и ответственности; общения и одиночества; смысла и бессмысленности или даже абсурдности существования. В фокусе внимания психологов, исследующих закономерности психики человека с позиций психологии человеческого бытия, находятся фактически те же проблемы, однако *подходы к их решению* в двух названных направлениях психологической науки существенно различаются.

Между психологией человеческого бытия и экзистенциальной психологией есть принципиальные различия, и некоторые особенности последней не позволяют исследователю эффективно, научно корректно изучать психологические особенности понимания мира субъектом.

Во-первых, проблема, с которой обязательно сталкивается психолог, привыкший к теоретико-экспериментальному анализу проблемы понимания, заключается в том, что экзистенциалистская ориентация в разных областях, например в консультировании, имеет глубоко интуитивный, а не эмпирический фундамент. Естественно, что это означает скорее схватывание феноменологической целостности изучаемых явлений, чем установление достоверности выявленных закономерностей и воспроизводимости обнаруженных фактов. Поскольку, согласно экзистенциалистскому понятию существования, функции субъекта и объекта в бытии принципиально различны (объект «существует», а субъект «переживает»), то человек не познает объективный мир, а именно «переживает». Мало того, что в соответствии с этим тезисом постулируется если не непознаваемость объекта, то уж во всяком случае несущественность познания мира, его малая значимость для самореализации человека. Это означает еще и акцент на сиюминутности: фокусировании внимания на тех эмоциях и чувствах, которые проявляются в данный момент. В экзистенциальной психотерапии это называется принципом «здесь и теперь». В результате получается, что человек пассивно отражает непознаваемые внешние стимулы, а не осуществляет свою жизнь как активно познающий, действующий и преобразующий мир субъект.

Для психолога-исследователя изучение любого психологического явления связано с анализом его причинно-следственных связей, внутренних и внешних условий, которые обусловили его формирование и развитие. Как отмечает Е. А. Климов, «в любом случае понимание и объяснение явлений психики должно быть «связесообразным», т. е. опираться на раскрытие рассматриваемого явления в системе тех или иных характеризующих его реальных связей (более принято и благозвучно выражение «законосообразность» понимания, объяснения; его мы и будем придерживаться)» (Климов, 1998, с. 26).

В отличие от научно-познавательной традиции с экзистенциальной точки зрения исследовать – прежде всего значит отодвинуть повседневные заботы и глубоко размышлять о своей экзистенциальной ситуации. Иначе говоря, думать не о том, каким образом мы стали такими, каковы мы есть, а о том, *что мы есть*. С позиций психологии человеческого бытия, психолог не может ограничиться узнаванием того, что есть, выявлением того, как субъект понимает, например смысл своей жизни. Напомню, что для Рубинштейна и Франкла главная категория – долженствование. Следовательно, задача психолога состоит не в констатирующем описании особенностей наличного бытия человека. Это еще и оценка реального бытия с позиций идеальных представлений о нем, т. е. этических отношений, морального императива. Только таким способом можно понять психику человека не как данность, определенный временной срез, а как динамическое, процессуальное образование, имеющее свои причины и следствия.

Во-вторых, субъектно-деятельностные основания психологии человеческого бытия изначально построены на представлении о том, что развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром. В отличие от этого экзистенциальная психоло-

гия, по существу, представляет собой психологию индивидуализма. Она изучает отдельного человека, противостоящего враждебному ему миру и остающегося один на один с неизбежными жизненными противоречиями – добром и злом, своими желаниями и социальными ограничениями, наконец, жизнью и смертью. Один из крупнейших современных психотерапевтов, профессор Стэнфордского университета И. Д. Ялом называет такой модус существования человека экзистенциальной изоляцией. Он пишет: «Индивиды часто бывают изолированы от других или от частей себя, но в основе этих отъединенностей лежит еще более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, – изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию – отделенность между индивидом и миром» (Ялом, 1999, с. 400).

Согласно экзистенциальному взгляду на мир, как бы ни был близок один человек другому, между ними все равно всегда остается непреодолимая пропасть, потому что каждый из нас в одиночестве приходит в мир и в одиночестве должен его покидать. Это порождает неизбежный конфликт между сознаваемой абсолютной изоляцией и потребностью в общении с людьми, защите и, в конечном счете, – принадлежности к какой-то целостности. Экзистенциальный подход не отрицает важной роли интересубъективных отношений в жизни человека, однако это отношения не взаимодействия и сотрудничества, а отстранения и отчуждения. Взгляд другого человека на субъекта превращает последнего в бездушный объект наблюдения, отчужденный как от самого себя, так и от всего окружающего мира. Особенно отчетливо установка на индивидуализм проявляется в центральной для экзистенциалистской теории проблеме свободы: например, в отношениях половой любви каждый из партнеров стремится завладеть свободой другого и превратить ее в вещь.

С позиций психологии человеческого бытия к проблеме одиночества необходим дифференциальный подход. Он предполагает изучение психологических характеристик и выделение разных типов одиноких людей, а также поиски причинных связей между временным состоянием и длительным чувством одиночества. Эта проблема связана с индивидуально-психологическими особенностями восприятия человеком себя и своего окружения. Одиночество как мироощущение и переживание личности представляет собой многомерное, системное качество, которое нельзя понимать и оценивать упрощенно, т. е. исключительно как проявление экзистенциальной изоляции. Одиночество – объективное состояние и субъективное мироощущение – зависит от социально-ролевого статуса субъекта и его личностных качеств.

В исследовании Н. Е. Харламенковой по этим параметрам было выделено три типа личности. *Зависимый* тип характеризовался сочетанием низкой потребности в самоутверждении с завышенной самооценкой и суженной (за счет отвержения целей самореализации) системой ценностей. Для людей *доминирующего* типа характерны гиперпотребность в самоутверждении, завышенная самооценка и ориентация на ценности самореализации. *Самодостаточный* тип личности отличает конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, ценности общения с другими людьми и саморазвитие. Результаты экспериментов показали, что только зависимые и доминирующие личности переживают состояние одиночества в виде негативно окрашенного чувства отчужденности от людей. «При этом оказалось, что доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями, демонстрируя свою независимость от других людей, на самом деле нуждается в них гораздо в большей мере, чем зависимая личность» (Харламенкова, 1998, с. 90). В то же время для самодостаточного человека состояние одиночества ассоциируется с чувством свободы и независимости: «Самодостаточная личность, ориентированная на собственное понимание действительности, интерпретирует состояние одиночества как своеобразное благо, не испытывая обостренного чувства одиночества и отчужденности» (там же, с. 91).

Следовательно, при дифференцированном психологическом подходе к проблеме оказывается, что экзистенциальную изоляцию нельзя рассматривать как универсальную характеристику бытия человека, непременно порождающую чувство одиночества. Многое зависит от того, какими психологическими свойствами обладает субъект, какое место он занимает в обществе и как оценивает свои отношения с другими людьми.

В-третьих, сторонникам психологии человеческого бытия присущ если не безграничный оптимизм, то во всяком случае трезвый и реальный взгляд на место и предназначение человека в системе мироздания. Такая мировоззренческая позиция отвергает представления о безусловной абсурдности и бессмысленности человеческого существования. Экзистенциальная психология во многом унаследовала идеи философии экзистенциализма, в основе которой лежит пессимистический взгляд на человеческую природу. «Экзистенциальный человек» безуспешно пытается преодолеть «отвратительные», вызывающие тошноту (вспомним название одноименного романа Ж.-П. Сартра) проявления своей телесной, материальной оболочки. Одновременно он с ужасом сознает, что это ему не дано: растворение себя в потоке мелких чувств и желаний, обыденных ситуаций всегда будет препятствовать постижению высшего смысла бытия. Неудивительно, что неизбежным и малоутешительным выводом экзистенциализма являются мысли об универсальности смерти как единственной антитезы бытию, бессмысленности и даже абсурдности существования человека: небытие не уравнивает бытие, а активно опровергает его.

В противоположность изложенному выше психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиций «Я и другой человек». В этом ракурсе фундаментальные проблемы человеческой жизни видны под иным углом зрения. В частности, конечная точка земного пути человека, смерть, предстает не как безусловная трагедия. Отношение к ней субъекта определяется в зависимости от рассмотрения им себя, своей активности в мире, возможностей взаимодействовать с другими людьми и оставить после себя что-то если не значительное, то по крайней мере субъективно ценное. Ведь смерть – это не только трагический конец индивидуального существования: «Смерть есть также конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент. Это и есть закономерно серьезное отношение к жизни, которое в известной степени является этической нормой» (Рубинштейн, 1997, с. 82). Отсюда закономерный вывод: «Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным в силу особой ситуации, при особых условиях – в момент, когда она обрывала бы какое-то важное дело, какой-то замысел» (там же). Следовательно, этическое отношение субъекта к другим людям и себе коренным образом изменяет представление человека о трагическом финале бытия.

Сравнение как перечисленных, так и других, не названных особенностей экзистенциальной психологии и психологии человеческого бытия привело меня к выводу о перспективности изучения проблемы понимания с позиций последней. Это не означает отрицания возможности и в чем-то даже продуктивности экзистенциального взгляда на проблему. Просто таков мой личный научно-мировоззренческий и, если хотите, «экзистенциальный» выбор. И этот выбор, прежде всего, относится к исследованиям психики с позиций психологии человеческого бытия.

К основателям психологии человеческого бытия следует отнести прежде всего В. Франкла и С. Л. Рубинштейна. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, эти выдающиеся ученые высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой сходства являются почти одинаковые представления о *должном* – таком морально-нравственном императиве, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую

категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов двух ученых проявилось и в трех группах проблем психологии человеческого бытия, которые неизменно оказывались в центре их внимания. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью; отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей – смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности труда (творчества), переживания и отношения (Франкл, 1990). Соответственно ученый описывает три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: 1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; 2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; 3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» (Тихонравов, 1998, с. 498).

Главная проблема, занимающая обоих основоположников психологии человеческого бытия, – поиска и нахождения каждым человеком смысла жизни. По Франклу, «нахождение смысла – это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни – жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него – не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» (Франкл, 1990, с. 114). Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (Рубинштейн, 1997, с. 113).

Сегодня теоретическая и эмпирическая разработка психологии человеческого бытия осуществляется как формирование и развитие новой области психологического знания. В этой области психологической науки человеческое бытие рассматривается с точки зрения многомерности мира, наличия трех уровней действительности, соотносенных со способами существования людей. Структура психологии человеческого бытия определяется научными представлениями психологов, во-первых, о том, какую реальность (эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную) в данный момент имеет в виду человек, оказавшийся объектом и субъектом психологического исследования. Во-вторых, какой домен социального знания (морального, конвенционального или персонального – Nucci, 1996; Smetana, 2006) наиболее целесообразно использовать для описания ответов и невербальных реакций испытуемого. В-третьих, в рамках какой традиции исследования психики – когнитивной, герменевтической или экзистенциальной – осуществляется психологический анализ мыслей, переживаний, поступков людей. В-четвертых, каждой традиции соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания выражают *способы освоения бытия* понимающим мир субъектом. Наконец, в-пятых, трем типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний людей в коммуникативных ситуациях.

Перечислю характерные особенности психологии человеческого бытия, которые, по моему мнению, сегодня позволяют назвать ее новой областью психологической науки.

Теоретические основания. Теоретические положения психологии человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, – философскому контексту решаемых в ней проблем. В концепциях А. В. Брушлинского, С. Л. Рубинштейна, В. Франкла, из которых исходит названная область психологической науки, онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, отношения и переживания, созерцания и постижения. Следовательно, человеческое бытие включает в себя реально существующего субъекта.

В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдался переход от анализа этого феномена с позиций психологии познания (Знаков, 1994) к его рассмотрению в контексте бытийного слоя сознания субъекта (Знаков, 2005, 2007).

Предмет психологии человеческого бытия. Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т. п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотносимость получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о должном. Психология человеческого бытия стала новым шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем в рамках этого направления изучаются и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти, т. е. то, «как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти» (Дружинин, 2000, с. 5). Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия, прямо или косвенно включающей все названные выше, является проблема понимания. Я имею в виду понимание субъектом мира и себя в мире.

Единицы анализа психического, их интергративный характер. В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т. п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации*. Я имею в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия не только расширительно трактует деятельностные основания детерминации психики, но и раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

С этих позиций деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное значение, чем *дело*, которому человек служит и считает смыслом своей жизни. Дело становится ценностно-целевым фактором, не только устремляющим жизнь субъекта в будущее, но и формирующим его способ видения мира, понимания окружающей действительности. «Дело – то,

чему человек предан по жизни, то, что выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю. Культурные проблемы решаются годами, десятилетиями, веками. У тех, кто включен в этот процесс, – общее дело, общий смысл. Жизнь, таким образом, становится воплощением этого смысла, способом утверждения своего видения мира, своего понимания добра, своей ценности» (Зарецкий, 2004, с. 39). Целостная жизнь субъекта полнее и адекватнее описывается понятием «дело», чем категорией «деятельность».

Однако при рассмотрении единиц анализа психического с позиций психологии человеческого бытия категория «дело» по своему содержанию тоже нередко оказывается узкой, недостаточно полно выражающей движущие силы развития и формирования новых граней субъектности. По Брушлинскому, субъект всегда является активным творцом, преобразующим себя и окружающую действительность (Брушлинский, 2003). Разумеется, человек живет в реальном мире, в котором все совершается по законам необходимости, в том числе биологической целесообразности. Осознание существования таких законов можно назвать горизонтальной, так сказать, приземленной плоскостью измерения человеческой жизни. Но подлинно человеческое в человеке, субъектное в субъекте определяется все-таки, прежде всего, вертикальным измерением. Я имею в виду ориентацию человека на идеалы, его устремление к высшим духовным ценностям, основанное на соединении интеллекта и нравственности. Одним из таких идеалов является творчество, контролируемое совестью.

В канун 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина В. С. Непомнящий писал о поэте: «Автор помещает себя не в субъектную позицию (характерную для большинства литературных произведений, особенно лирического рода), а в то же *объектное пространство Творения*, где находятся его герои; „субъектность“ же автора носит инструментальный характер – это „субъектность“ орудия, находящегося в руках высшей творческой силы (всем известно религиозное отношение Пушкина к своему творческому дару как к чуду), высшей Правды» (Непомнящий, 1999, с. 99).

Приведенный пример не относится исключительно к нашему национальному гению и является не только историко-литературным. На мой взгляд, выраженная в нем глубокая мысль выходит далеко за пределы литературной критики и позволяет читателю отвлечься от «запретельных» трансцендентных аспектов благоговения человека перед дарованными ему судьбой творческими возможностями. С позиций психологии человеческого бытия в нем можно усмотреть «обратное» влияние творческого начала и нравственных идеалов человека на формирование индивидуально-неповторимых субъектных качеств его личности.

В предельных случаях идеалы воплощаются в том, что человек считает своим *призванием*, путем, с которого он не сможет свернуть, даже если в минуту слабости сам этого захочет. Хрестоматийным выражением упорного следования призыванию может служить фраза, приписываемая Мартину Лютеру: «На том стою и не могу иначе». (На самом деле, когда 18 апреля 1521 г. Лютер выступал перед рейхстагом в Вормсе в защиту своих религиозных взглядов, он закончил речь как обычно: «Да поможет мне Бог. Аминь». Но восторженным поклонникам Лютера этого показалось недостаточно, и впоследствии они добавили к речи знаменитую концовку. Впервые она появилась в трудах великого немецкого реформатора, изданных в Виттенберге между 1539 и 1558 г.)

Какое отношение «дело» или «призвание» имеет к единицам анализа психического? Самое непосредственное. В деле, которому субъект будет служить всегда, или в жизненном призвании ежедневно и, может быть, ежечасно проявляется его отношение к событиям и ситуациям, в которых он оказывается. В категориях «дело», «призвание» есть постоянная устремленность в будущее. Это означает, что избранный путь, линия жизни направляют поведение человека в конкретных обстоятельствах, кристаллизуя и шлифуя новые грани его субъектных качеств. Другими словами, эту мысль выразил В. Н. Дружинин: «Принятие решения о варианте

жизни является „точкой бифуркации“. После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни» (Дружинин, 2000, с. 64).

В целом же дело и призвание, во-первых, можно считать такими *целенаправленными структурами, в которых интегрируются единицы психического*. Во-вторых, как уже было сказано, дело и призвание всегда основаны на нравственности, неразрывно связаны с совестью и ориентацией на высшие духовные ценности. Вследствие этого обретение нового совокупного опыта, когда-то воплощенного в конкретных событиях и ситуациях, означает *восхождение на новую ступень субъектности, качественное изменение субъекта*. Следовательно, дело или призвание, ставшие для человека смыслом жизни, осмысленной целью бытия, являются индикаторами индивидуальных характеристик субъектности человека.

Методы познания психической реальности. В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и другие. Главная цель выбора методик, подходящих для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы о сочетании *отражения* субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* им новых реальностей. Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в *нарративном принципе*. Этот принцип является одним из основных методов психологии человеческого бытия, он позволяет объединить усилия психологов разных эмпирических и теоретических ориентаций.

Таковы предельно кратко изложенные теоретические основания, предмет и методы психологии человеческого бытия. Поскольку эта область психологической науки имеет непосредственное отношение к субъектно-деятельностному подходу, то необходимо проанализировать соотношение психологии субъекта и психологии человеческого бытия. Отмечу три основных момента.

1. Психология человеческого бытия является частью психологии субъекта и, следовательно, уже по содержанию и решаемым задачам. В постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Брушлинского. К ним относятся: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности – недизъюнктивности и непрерывности организации психических процессов; проблема общественного-индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Психология человеческого бытия имеет непосредственное отношение только к двум последним проблемам: она направлена на анализ смысловых и ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества.

2. Психология человеческого бытия основана не на *субъектно-деятельностном*, а на *субъектном* подходе в психологии. Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что в формировании психики большую роль играют недейтельностные по своей природе феномены – общение, переживание, созерцание, постижение и др. Выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания или дела, которому служишь, не только побуждают человека к связыванию воедино прошлого, настоящего

и будущего своей жизни. Все это способствует развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека, начиная с младенческого возраста и до старости.

3. Творческое развитие психологии субъекта А. В. Брушлинского сегодня привело психологов к осознанию того, что ее предмет неоднороден, он включает и субъекта деятельности, и субъекта развития, и субъекта жизни (Сергиенко, 2007). Психология человеческого бытия изучает преимущественно *субъекта развития* и *субъекта жизни*. Об этом свидетельствуют, в частности, уже проведенные исследования: понимания субъектом манипулятивного поведения; половых, гендерных и личностных различий в понимании испытуемыми разного возраста моральной дилеммы; понимания моральной допустимости аборт и эвтаназии; половых и возрастных различий в когнитивных и экзистенциальных компонентах самопознания и самопонимания; понимания и переживания россиянами террористической угрозы. Как названные, так и другие исследования ориентированы на выявление не *процессуально-деятельностных*, а *результативных* составляющих понимания субъектом мира в разные периоды его жизни.

2.1.4. Понимающее себя бытие

Основная цель раздела – с позиций психологии человеческого бытия ответить на вопрос: может ли понимающее себя бытие рассматриваться не только как известная философская метафора, но и как реальный феномен самосознания? Иначе говоря, является ли понимающее себя бытие предметом психологического исследования? Сразу скажу, что я собираюсь положительно ответить на этот вопрос.

В XX в. понимание стало рассматриваться учеными и философами не только как познавательная процедура психики индивидуального субъекта, а гораздо шире. Понимание перестало трактоваться только как интерпретация, осуществляемая субъектом. Оно стало связываться с экзистенцией, человеческим бытием и приобрело уже не гносеологический, а онтологический статус. Онтологизация представлена в философии М. Хайдеггера и Г. Г. Гадамера. Они начали описывать понимание как такое специфическое отношение к действительности, в котором люди выступают в качестве толкующего себя бытия, понимающего себя бытия.

Согласно западной экзистенциальной традиции, ясно выраженной М. Хайдеггером, человек – это субъект, для которого мир является совокупностью противостоящих ему объектов, иначе говоря, реальных или мыслимых предметов, которыми субъект владеет и пользуется, которые отвергает или уничтожает. Позиция Хайдеггера выражает типичное для экзистенциальной философии различие «бытия» и «существования». По мнению экзистенциалистов, «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «существование» – к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения у них заключается в том, чтобы подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни. Неудивительно, что такие крупные представители экзистенциального анализа и логотерапии, как А. Лэнгле и В. Франкл, говорили об «экзистенциальном антагонизме» и «экзистенциальном вакууме» (Лэнгле, 2006; Франкл, 1990).

Принципиально иначе проблема соотношения бытия и существования решается в русской экзистенциальной традиции, в частности, в персоналистической философии Н. А. Бердяева. В ней устанавливается различие между личностью и индивидуумом. Индивидуум есть категория природная и социальная. Индивидуум является такой неделимой частью целого (рода или общества), вне которого он не может быть назван индивидуумом. Он характеризуется стремлением к эгоистическому самоутверждению. «Поэтому индивидуализм, производный от слова „индивидуум“, совсем не означает независимости по отношению к целому, к процессу

космическому, биологическому и социальному, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого» (Бердяев, 2006, с. 38). По Бердяеву, человек есть микрокосм, универсум, но в качестве не индивидуума, а личности. Именно с личностью связана идея человека, его призвания в мире. Личность – это духовная категория, она характеризует свободу и независимость человека по отношению к природе, обществу, государству. Личности чуждо эгоистическое самоутверждение, наоборот: «Персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции. Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа» (там же, с. 39).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.